

БЕЗ ПРАВА НА ЭМОЦИИ

НАТАЛЬЯ БАРИКОВА

16+

Наталья Барикова

Без права на ЭМОЦИИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62713271

SelfPub; 2020

Аннотация

Одна судьба знает, как там, на войне, в ее покрытом пеплом мире. Мире, пропитанном слезами матерей, жен и детей. Мире, где земля скрывает под своим темным покрывалом тлеющие судьбы людей. Мире, устланном осколками битых жизней. Как там?.. Окутанная пеленой горя, молодая, некогда избалованная дочка полковника, сброшенная с тропы счастья одним-единственным дуновением судьбы, не слушая доводов отца, принимает решение идти напролом в мучительном стремлении испытать из бокала мести. В составе группы агентов под прикрытием она отправляется в немецкое осиное гнездо. Что найдет она там? Или, может, потеряет? Сможет ли подброшенная монета прошлого упасть стороной будущего? Или нет? И кто ответит ей, как там? В будущем, дуновение которого заставляет идти вперед в надежде вновь обрести счастье...

Глава 1

– Доктор, как она?

Сквозь пелену тяжелого сна, навеянного успокоительными, услышала я беспокойный голос своего отца.

– Ничем порадовать вас пока не могу, товарищ полковник, – устало ответил мой лечащий врач. – Никак не придет в себя. Уже и лучший психолог Москвы с ней работает, а она все в прошлом находится, ни с кем общаться толком не хочет. Хотя сдвиги, конечно, есть. Пускай не такие, как нам хотелось бы, но все же.

– И что же мне делать, доктор? Может забрать ее домой лучше?

– Я уже сам об этом думаю. Дома и стены лечат. Авось, там придет в себя, бедняжка.

– Стены то лечат, да вот только если бы эти стены не напоминали ей о муже, – проглотив комок в горле тихо ответил отец.

– Давайте так. Вы ее заберете сейчас. А там посмотрим. Сюда всегда можно привезти ее будет, если уж совсем никак без больницы. Препараты я вам выпишу, сиделку пришлю, ну и будем ждать. Такую тоску только время лечит.

– Хорошо. Я посижу с ней и подожду, пока она проснется, можно?

– Да, конечно. Если что-то понадобится, я буду у себя в кабинете, – ответил мой врач и вышел из палаты.

Я открыла глаза и посмотрела на своего отца, сидевшего

возле меня на стуле.

– Папа, – тихо прошептала я.

– Дочка, Оленька, – радостно проговорил отец и сел подле меня на кровать, взяв мою ладонь в руки.

– Папочка, ну что ты каждый день ходишь ко мне? У тебя работа такая важная, времени на отдых и так нет почти, а ты еще и здесь столько находишься.

– Ну что ты такое говоришь! Твое здоровье важнее всего для меня! – на глазах отца появились слезы, и он прижал мою руку к губам.

Я смотрела на своего отца, высокого статного полковника с седыми волосами и уставшими глазами, и меня начинало точить изнутри чувство вины. Я, молодая двадцатипятилетняя дочка, должна была бы сейчас в такое тяжелое военное время быть ему опорой, а сама валялась в больнице с нервным срывом, спровоцированным гибелью мужа – разведчика. Я все прекрасно понимала, но ничего не могла с собой поделать. Липкое, скользкое горе никак не хотело отпускать меня из своих объятий.

– Оленька, – ласково обратился ко мне отец. – Доктор говорит, что тебя можно забрать домой и там уже продолжить лечение. Поедешь?

– Да, папа, поеду. Тебе будет так спокойнее. Только сиделку не надо, я справлюсь сама.

– Ты уверена? – недоверчиво спросил отец.

– Уверена. Не бойся, ничего я с собой не сделаю. Ты ведь

тогда не переживешь, я знаю, – поцеловав отца в щеку я встала с кровати, накинула халат, и под руку с отцом вышла из больницы, и направилась к стоящей на улице машине.

– Ольга Александровна, я так рад вас видеть! – радостно воскликнул водитель моего отца, Григорий, мужчина лет шестидесяти в отменно наглаженном костюме и начищенных до блеска сапогах.

– Спасибо, я тоже рада тебя видеть, – улыбнувшись ответила я ему.

– Вот это другое дело. Улыбнулись даже. На поправку давайте теперь, надо жить дальше, Ольга Александровна. Отцу вашему поддержка такой дочки сильно нужна. Правда ведь, Александр Васильевич? – хитро прищурив глаза спросил водитель у моего отца.

– А то как же! Один как перст дома, со стенами буду скоро разговаривать, – усмехнулся отец и поцеловал меня в макушку.

Я только улыбнулась в ответ и усевшись на заднее сиденье устала в окно. На мой взгляд, я сейчас ничем не отличалась от стены, если брать пользу от меня в разговорах, ведь большую часть времени я молчала и пребывала где-то глубоко в себе. Машина тронулась, увозя меня из пропитанного запахом медицинского спирта, лекарств и дезинфицирующих средств здания, в котором пытались найти способ прийти в себя те, кто сам не мог справиться с обрушившимся на него горем. Смотря сквозь окно автомобиля на красивые

улучки Москвы, озаренные весенним солнцем, я едва сдерживала набегающие мне на глаза слезы. Ведь всего каких-то несколько месяцев назад, я с Димкой ходила по этим улочкам и с увлечением рассказывала ему о своей новой работе в Главном разведывательном управлении, куда меня устроил отец-полковник, занимающий там не последнюю должность. Димка слушал тогда мой эмоциональный рассказ, и едва уловимая улыбка трогала его губы. Скорее всего, ему было смешно слушать такую речь, поскольку мою должность в Управлении кадров он не считал столь уж важной, какой она казалась мне в тот момент. Но он, со свойственным ему благородством, продолжал делать вид, что я занимаю пост первостепенной важности при моем отце и без меня управление ну никак не может обойтись в такое тяжелое военное время. Потом он купил мне мороженое, неизменный белый пломбир в вафельном стаканчике, безумно вкусно пахнущий сливками, и мы пошли на набережную. Там мы долго сидели и наблюдали за серой рябью реки, которая то и дело колыхала зеркальную гладь воды под действием налетающего порывистого ветра. Погода тогда была пасмурная и Димка, видя, как я поежилась в своем легоньком платье из мягкого шелка, снял с себя китель и накинул мне его на плечи, дабы я не замерзла. Я зарылась в тот момент в тяжелую ткань его формы и с наслаждением вдохнула такой родной мне запах. В мою голову тогда пришла мысль, как я теперь уже поняла, навеянная подкрадывающимся ко мне предчувствием, что

я этот пряный мужской запах, сотканный из нот любимого парфюма мужа, дорогих сигар и едва уловимого мускусного аромата, не забуду никогда. Димка с едва уловимой грустью смотрел на склонившиеся у воды ивы и нежно обнимая меня молчал, словно боясь спугнуть спокойствие тех стрелглав несущихся часов, которые оставались до нашей с ним разлуки. Разлуки навсегда. Я ничего в тот момент не знала, продолжая все так же щебетать, рассказывая о таких мелочных, как я теперь понимала, моментах своей рабочей жизни. Затем прогремел гром и начался проливной дождь. Мы вскочили со скамьи и быстро побежали к машине, которая отвезла нас, промокших до ниточки, домой. Забежав в квартиру мы уже на ходу стаскивали друг с друга одежду, не в силах оторваться от упоенного желания насладиться нашей любовью. Прокручивая в голове те моменты, только теперь я понимала, почему он тогда говорил те или иные фразы, наполненные болью от предстоящего расставания, пропитанные нежностью и лаской ко мне, его жене. Лежа в постели после страстной схватки он тогда сказал, что хотел бы, если у нас родится дочка, чтобы я назвала ее в честь его матери, Александры Павловны, если же сын, то в честь деда, генерала в прошлом, Юрия Георгиевича. Я, выслушав его, только нахмурила брови, поскольку мы состояли в браке на тот момент более двух лет, но забеременеть мне так и не удавалось. Димка, видя, что я расстроилась, быстро чмокнув меня в губы стащил с постели и закутав в одеяло вынес на руках на

балкон, где прохладный ветер, обдав своим дуновением наши разгоряченные тела, развеял мою грусть.

– Все у тебя будет, – тихо проговорил тогда он мне, целуя в макушку. – Вот увидишь. Когда-то ты так же выйдешь на этот балкон. Смотри на солнце, ты подставишь лицо под его теплые лучи и улыбнешься от счастья, которое будет переполнять тебя, поскольку ты будешь знать, что в тебе зарождается такая долгожданная жизнь. Все у тебя будет, стоит только подождать.

Он уже тогда не говорил «у нас», а произносил «у тебя», предчувствуя нехорошее. А я, как сейчас помню, заерзала недовольно и когда он поставил меня на пол обхватила его руками. Укутав Димку своим одеялом и уткнувшись носом в его щеку, сказала:

– У нас будет. Не у меня. У нас.

Димка рассмеялся в ответ и закинув меня на плечо отнес в кровать, где мы провели в сладком забвении еще пару часов. Затем я уснула у него на плече, всеми фибрами души ощущая, насколько я счастлива рядом с этим мужчиной, с которым нас связывало нечто большее, чем просто штамп в паспорте и любовь. У нас с ним была не любовь, нет! Это было единение души и тела, это было такое прекрасное что-то, чему я и слова подобрать не могла ни тогда, ни сейчас. Затем настало утро и я, проснувшись тогда, удивленно увидела, что Димки ни в постели нет, ни в квартире. Наспех накинув халат, я настороженно обошла нашу огромную квар-

тиру, которую подарил нам мой отец, и уже на кухне, когда села пить чай, увидела письмо, лежащее на столе. Недоумевая я открыла конверт и когда начала читать, то меня начала колотить едва ощутимая дрожь. Даже сейчас, спустя столько времени, я закрывала глаза и помнила каждую строчку, написанную мне моим мужем.

«Дорогая моя и горячо любимая Оленька. Прости, что не попрощался с тобой. Но я знал, что для тебя мгновение расставания будет слишком тяжелым. Не держи на меня зла. Я просто не мог ходить по блестящему паркету, зная, что большую пользу принесу там, на фронте, в качестве агента разведки. Твой отец поддержал меня, хоть ему это было и нелегко, зная, насколько тяжело ты будешь переносить расставание со мной. Другой кандидатуры на выполнение этого задания не было, и твой отец вынужден был подписать мое назначение. Все нюансы моего задания расскажет тебе твой отец. Я лично просил его, чтобы ты была в курсе проводимой мной операции, ведь знаю, что, если он тебя не будет оповещать обо всем, ты начнешь узнавать все сама, моя хитрая и неугомонная лиса. Будь сильной. Не сердись на отца. Жди меня. И если будет судьбе так угодно, я вернусь, и мы вместе с тобой поедem в наше любимое место на берегу Черного моря. И в день победы над Германией откупорим там бутылку твоего любимого шампанского. Выпив по бокалу сядем на берегу и в лучах заходящего солнца напишем на обрывке бумаги пожелание будущим поколениям, положим его в бутылку и

опустим в синюю гладь воды, как тогда, в день нашей первой встречи в лагере, где мы с тобой были вожатыми. Люблю. Целую. Твой Димка».

Сказать, что я была в шоке в тот момент, это ничего не сказать. Я просто взвыла, сметая все со стола. Тяжелая хрустальная ваза упала на паркет, издавая печальный громкий звон и разбилась на миллион кусочков так же, как и разбилась в тот момент моя жизнь. Ведь не суждено было сбыться тому, о чем писал мне в письме Димка. Спустя два месяца, во время которых я упивалась информацией, передаваемой от агентов, с которыми поддерживал связь мой муж, я узнала, что беременна. Радость от осознания того, что у нас будет ребенок с Димкой, едва перекрывала мою печаль от расставания с ним. Отец отстранил меня от работы, поскольку беременность проходила очень тяжело, хоть и срок был небольшой. Всю информацию о Димкиной операции я получала исключительно от него. Однажды, когда я прогуливалась по набережной Москвы-реки, навстречу мне шли девчонки-напарницы, с которыми я работала, Лена и Валя. Они, увидев меня, зашептались и неуверенно направились в мою сторону.

– Ольга Александровна, как вы? – печально спросила тогда у меня Лена, и словно утешая потрепала меня по плечу.

– Я? Прекрасно! Вот, растем, – улыбаясь проговорила я и погладила уже округлившийся живот.

– Это хорошо, что вы не унываете. Это правильно! Ведь

жизнь продолжается, Оленька У вас ребеночек будет. Это главное! – печально улыбнувшись сказала Валентина и отвела взгляд.

В тот момент у меня мурашки по коже пробежали в предчувствии беды, которая, словно темная, бушующая волна поднималась внутри.

– Вы о чем? Почему я должна унывать? – спросила я и присела на стоящую рядом скамью.

– Извините, мы пойдем, – пробормотали девушки и хотели было уже уходить, но я их остановила.

– Если вы мне сейчас ничего не скажете, я завтра же попрошу отца уволить вас! Вы меня слышите? Вы меня знаете! – как можно более строго проговорила я девушкам.

Подружки, зная мой капризный характер и то, как отец выполнял любую мою прихоть, переглянувшись остановились в нерешительности.

– Ну? – спросила я, едва сдерживая злость.

– Ольга Александровна. Мы не знаем всех подробностей. Но пару недель назад пришла радиограмма о том, что группа вашего мужа раскрыта. Их всех расстреляли по приказу фон Герцена в Кракове. Пашка только чудом выжил. Он тогда у партизан был, ждал, пока ребята задание выполнят, – тихо проговорила Валя и со слезами на глазах добавила, – мы думали, вы знаете. Извините.

Я как в тумане дослушивала речь девушки. Встав со скамьи, я приложила ладонь к своему животу и почувствовала

резкую боль.

– Что с вами? Вам плохо? – испуганно проговорила Лена, подхватывая меня в тот момент, когда я начала оседать на землю.

– Скорую, срочно, – только и успела сказать я, и нестерпимая боль опрокинула меня в небытие.

Очнулась я в больничной палате. Подле меня сидели отец и доктор. Переведя взгляд на свой живот, я в ужасе поняла, что ребенка потеряла так же, как и потеряла Димку. С того самого момента и начался в моей жизни нескончаемый кошмар каждодневных восходов и закатов. Я была жива, но жизнью это не было. Я каждый день заходила в истериках, навеянных мучительным осознанием того, что и меня, так далеко находившуюся от фронта, в самой Москве, эта проклятая война достала своими холодными, мерзкими лапами. Я потеряла мужа, потеряла ребенка и просто начала терять от этого рассудок. Мой отец делал все, дабы привести меня в чувство, но ничто не помогало. В один из таких дней, наполненных отчаянием, отец едва успел предотвратить непоправимое. Придя домой раньше обычного, он застал меня глотающей таблетки и срочно вызвал скорую. В больнице я проходила терапию, пытаюсь заново начать жить. Один из моих бесчисленных докторов как-то сказал, видя мою непрошибаемую стену из боли и отчаяния:

– Вы, Ольга Александровна, потеряли ребенка, потеряли мужа. Вам больно, страшно и обидно от того, что вы не по-

нимаєте, как дальше будете жить. Но вы задумайтесь о том, что тысячи и тысячи женщин там, где идет война, где немцы ходят под окнами и нет гарантии, что в какую-то минуту тебя, твоего ребенка, или твоего мужа не убьют, где они терпят тех, кто дорог, они живут так же, как и вы. С той же болью, с той же горечью от утраты, с той же ненавистью. И не все они накладывают на себя руки. Многие из них пытаются принести пользу стране. Зачем погибать так пусто и бестолково? Зачем губить свою жизнь, если она так нужна родине в это кровавое время? Вы не задумывались о своем отце, который каждый день исполняет свой долг и при этом еще переживает ужасное беспокойство о своей дочери? Каково ему каждый день просыпаться и с ужасом молить бога, вы уж извините меня за эти слова, о том, чтобы его дочь осталась жива? Вы мать, вы сами потеряли ребенка, даже ни раз не увидев его. Вы понимаете, что я хочу вам сказать? Пожалейте своего отца, если уж не жалеете себя и принесите пользу стране вместо того, чтобы лежать и мечтать о том, чтобы смерть пришла раньше, чем ей положено! – закончил он такими словами свою речь, строго отчитав меня.

На меня будто бы нашло озарение после его слов. Я встала, подошла к нему и тихо обняла, поблагодарив за такую встряску моего подсознания. С той минуты я маленькими, но упорными шагами шла к принятию случившегося.

– Оля, – вернул меня от нахлынувших воспоминаний голос отца. – Может ты чего-то хочешь? Здесь за углом конди-

терская твоя любимая, давай заедем? – с надеждой в голосе проговорил отец.

Я посмотрела на него и видя в его взгляде веру в то, что я, его дочь, ранее любительница сладостей, наконец то начну становиться на ноги и возвращаться к тому, кем я была ранее, улыбнувшись ответила:

– Давай. Хочу эклеров. Тех, которые мне всегда мама покупала, когда я была маленькой.

– Григорий, поехали к кондитерской! – скомандовал довольный отец и шофер направил машину к милому небольшому зданию из красного кирпича, которое совсем не менялось с тех времен, когда я еще была маленькой.

Внутри кондитерской все так же пахло ванилью и корицей, на небольших столиках стояли горшочки с фиалками и лежали красивые салфетки. Симпатичная продавщица в белом чепчике упаковала пирожные в красивую коробку, и мы с отцом поехали домой.

Зайдя в квартиру, я на миг зажмурилась, вдохнув запах окружающей обстановки, который напомнил мне о прошлой жизни.

– Оленька, что с тобой? – обеспокоенно спросил отец.

– Ничего папа, все нормально. Просто давно здесь не была, непривычно, – успокаивающим голосом ответила я и сняв с ног туфли направилась на кухню.

– Дочка, точно не нужно чтобы с тобой кто-то был, пока я буду на работе? – спросил отец.

– Да, папа, точно. Не переживай. Ничего с собой я не сделаю. Более того, я поняла, что нужно жить дальше. Жить и бороться за мир в нашей стране. Поэтому, я хочу прийти в себя и вернуться на работу, если ты не против, – ответила я, наливая чай в красивые фарфоровые чашки.

Взяв одну из стоящих на полке чашек, я поглядела на нее. На гладкой синей поверхности причудливыми буквами было написано: «Дорогой жене от любимого мужа». Покрутив ее в руках, я открыла шкаф и убрала ее подальше, дабы она не напоминала мне о том, о чем на данный момент мне просто противопоказано было думать. Отец внимательно посмотрел на меня, и я улыбнулась ему в ответ, давая понять, что все со мной хорошо.

– Хорошо, я поговорю с генералом и тебя восстановят на прежнем месте. Он будет только рад, что ты вернулась к работе и к жизни, – проговорил отец.

– Папа, мы с тобой не говорили об этом до сих пор. Но мне бы хотелось знать, что случилось с группой Димы. Почему так произошло? – спросила я как можно более спокойно у отца.

Отец строго посмотрел на меня, затем спросил:

– Оля, может еще не время говорить об этом?

– Время, папа, оно никогда не будет уместным для такого разговора, – сказала я, смотря через прозрачную гладь окна на улицу. – Просто мне нужно это. И чем раньше я обо всем узнаю, тем мне будет легче. Ты не переживай, – добавила я,

отойдя от окна и усаживаясь за кухонный стол.

– Хорошо, – вздохнув ответил отец и откинувшись на спинку стула продолжил, – Фон Герцену кто-то донес о том, что разведгруппа будет около старого форта в тот день и в то самое время. Всех взяли сразу. Нам доложил об этом наш агент под прикрытием через Пашу. Рому Сомова убили на месте тогда. Он пытался прикрыть ребят собой, но продержался недолго. Димку, Катю, Женю и Вадима забрали в гестапо и оттуда они уже не вышли. Их пытали, но ребята наши, ты же знаешь. Над Катюшкой только поизмывались, сволочи, она ведь девчонка видная у нас была, ей больше всех досталось, – проглотив комок проговорил отец.

Да, я знала всех, о ком говорил он. Все были, как на подбор, сильными личностями, которых не смогли бы сломать никакие пытки. Опустив взгляд на чашку и смотря на дымящуюся жидкость золотистого чая в моей голове за какое-то мгновение пронеслись воспоминания обо всех, кто был рядом с Димкой в его последние часы жизни. Рома был высоким, худощавым молодым человеком с цепким умом. Он мог запомнить до мельчайших подробностей то, на что другие бы и не обратили внимание. Катя знала пять языков и без малейших проблем могла сойти за свою в тех странах, где разговаривали на них. Она любила длинные красивые платья и всегда была примером женственности в управлении разведки. Женя. Маленькая, пухленькая девчушка-радистка, которая своим звонким смехом заряжала позитивом каждого,

кто слышал его. У нее с Вадимом были отношения и после задания ребята хотели пожениться. Вадим же был лучшим стрелком в группе. Он мог на лету попасть в пятикопеечную монету, практически не прицеливаясь. Димка же был стратегом. Он мог просчитать действия противника на несколько шагов вперед. Он буквально насквозь видел людей, поэтому его и отправили на такое задание, поскольку считали, что лучше, чем он, никто не сможет на месте сориентироваться и решить любую поставленную задачу. Но не смог.

– Какие предположения насчет того, почему операция провалилась, и группа погибла? – спросила я после раздумий. – Был предатель? Может Пашка? Он ведь один остался в живых. Или тот, кто под прикрытием там.

– Нет, ни тот, ни другой. На мой взгляд. Парни проверенные.

– Тогда кто?

– Понимаешь, Оля, там немец этот, Вальтер фон Герцен, он достаточно умен и проницателен. В Кракове благодаря ему установлен такой порядок, что мышь не проскользнет без его ведома. Ребята где-то прокололись. Но где? Знать бы. Пашка ведь большую часть у партизан отсиживался и только передавал по радиации донесения, поэтому он не может сказать, что там случилось. Агент наш тоже в то время находился в Варшаве. Он не знал, кто был в группе Дмитрия и вообще, когда группа прибудет в Краков он тоже не мог знать. Димка должен был выйти на него после первой части опера-

ции, но... Только по возвращении агент стал свидетелем казни над ребятами. Связавшись с Москвой, он сообщил о провале операции и гибели Димкиной команды.

– Что-то значит упустили, папа. Дима не мог проколоться, ты знаешь. Что-то не так тут во всем этом, – проговорила я, потирая виски.

– Может и упустили что. Теперь пожинаем, – скривив губы в горькой усмешке проговорил отец. – Стольких ребят хороших потеряли. Будь она не ладна эта война.

– А фон Герцен этот. Он ведь недавно в Кракове? – спросила я.

– Недавно. Но матерый гад оказался. Порядок везде отменный. Полицай все как на подбор-свора ищеек. Фрицы тоже у него в кулаке зажаты, никто шагу ступить без его ведома не может, сразу – расстрел. Убрать бы его и пол дела сделано, – с ненавистью проговорил отец, яростно сжав ладонь в кулак так, что костяшки побелели.

Я посмотрела на отца и до меня только сейчас дошло, что он так же, как и я, тяжело переживал гибель Димки. Я настолько закопалась в свои переживания, что совершенно не думала о том, насколько он, этот сильный, волевой человек сдерживал свои эмоции, дабы поддержать меня, его единственную дочку, в таком ужасном горе. Отец очень любил Димку. Он был для него как сын, которого у него не было. Вспомнив, как произошла их встреча, когда я притащила Димку к нам домой и усадив на кухне пить чай, села ему на

колени и поцеловала в первый раз, я улыбнулась. В тот момент на кухню зашел мой отец и увидел эту картину. Я испугалась тогда очень и вскочила, поправляя на себе платье и не зная, куда прятать свои глаза под его строгим взглядом.

– Вижу, моя коза в наступление пошла, – проговорил тогда отец, подавая для пожатия руку Димке, который спокойно встал и поприветствовал его. – Ты построже с ней, а то быстро хомут на тебя накинёт и веревки начнет вить. Она у меня такая, – добавил он со смехом окинув меня взглядом.

С той самой минуты отец и Димка стали лучшими друзьями. Димка на тот момент заканчивал военный университет, и отец поспособствовала его продвижению по службе. Спустя какое-то время после этого эпизода мы сыграли свадьбу и переехали в нашу новую квартиру, подаренную нам отцом. Нас ждало прекрасное будущее, но была объявлена война и все рухнуло.

– Папа, скажи, а что-то ведь планируется по Кракову? – вернувшись в реальность спросила я.

– Да есть кое-какие соображения. Но пока все только в разработке. Не ранее, чем через пару месяцев получится сделать все, – неопределенно ответил отец.

– Ты держи меня в курсе, пожалуйста.

– Конечно, дочка, – ответил отец и крепко сжал мою ладонь, лежащую на столе.

– И прости меня, папа, за то, что я... – не договорив фразу я проглотила комок в горле, не в силах продолжить ре-

плику.

– Ничего, дочка. Главное, что ты жива. А то все переживем. Ты же знаешь, я тебя очень люблю. Ты для меня все, – ответил отец и встав из-за стола поцеловал меня в макушку.

Я прижалась к нему и мне стало так спокойно, совсем как тогда, когда я была маленькая и впервые вышла на улицу гулять одна. На меня тогда набросилась бездомная собака, и я ужасно испугалась. Но в этот момент из подъезда вышел отец, отогнал ее и успокоил меня, посадив себе на колени. Я помню рыдала и говорила, что больше никогда не выйду на улицу без него. А он сказал, что я должна быть сильной и смелой, а все остальные вопросы он обязательно решит, будь то бездомная собака либо еще что. Он еще тогда сказал, что бояться – это нормально. Нет такого человека, который бы не боялся чего-то. Дескать, даже он, отец, и тот имеет свои страхи, и что главное идти по жизни и бороться с ними, а если бороться, то они обязательно отступят. Затем он поехал на работу, а я побежала на детскую площадку и с того момента начала шагать по жизни своими детскими ножками, преодолевая на своем пути все значимые и не очень страхи, зная, что я в любом случае их поборю, а если и нет, то рядом всегда будет мой отец, который поможет мне справиться с любым препятствием.

– А теперь мне нужно ехать на службу. Совещание скоро. Ты ведь справишься сама? – спросил отец, скорее всего с опаской все еще относящийся к тому, что я останусь дома

одна.

– Не переживай! Я же сказала, что я в норме, – улыбнулась я и поцеловав его в щеку провела до двери.

Когда дверь закрылась за моим отцом, я тихо опустилась подле нее и закрыла глаза. Тишина, пронзительная тишина этой огромной квартиры давила на меня, не давая прийти в себя. Подняв взгляд на потолок, я вздохнула и слезы потекли по моим щекам. Тряхнув головой, я быстро смахнула их и встав с пола прошла в спальню. Все Димкины вещи лежали на своих местах, и я медленно прошла по комнате, едва касаясь пальцами к таким дорогим для меня предметам. Расческа из слоновой кости, которую я купила в антикварном магазине для него, на ней был вырезан орел, птица свободы и вольного духа, таким мне казался всегда Димка, поэтому я и купила ее тогда в подарок. Портсигар с дорогими ароматными сигаретами. Легонько открыв его, я вдохнула такой знакомый мне запах. Запонки в виде квадратиков с гематитом, которые Димка надевал на мой день рождения за неделю до своего отъезда. Я еще тогда помню скривила свой нос, поскольку они мне казались уж очень простыми для такого человека, каким был мой муж. Далее, открыв шкаф я провела рукой по длинной веренице рубашек, кителей и костюмов, пропитанных запахом такого родного мне человека, которого более никогда не увижу в этой жизни. Затем я убрала все Димкины вещи, которые лежали на виду в этот шкаф и закрыла его на ключ, давая себе обещание, что открою его

только тогда, когда смогу отпустить воспоминания и начать жизнь заново. Пока же я не могла расстаться с тем, что так напоминало мне о нем. Но и видеть все эти вещи и предметы я не могла более. Так что этот огромный шкаф из красного дерева стал своего рода хранителем моей памяти, моей любви и моей боли. Повесив небольшой ключик от шкафа на цепочку, подаренную мне Димкой, я надела ее на шею, как свидетельство тому, что вся память о моем родном человеке находится у меня в груди. Затем я подошла к зеркалу и посмотрела на себя. С другой стороны зеркального полотна на меня смотрела грустная молодая женщина с аристократическими чертами лица, красивыми большими серыми глазами, длинными русыми волосами, перехваченными затейливой лентой в небрежный хвост, стройной фигурой и высоким ростом. Глядя на нее, я не узнавала себя. Куда делась та молодая капризная девчонка, которая топала ножкой, желая получать все и сразу, причем немедленно? Куда делся тот игривый взгляд, который разжигал интерес в любом мужчине, на которого он был направлен? Где та чарующая улыбка, которой та бывшая красавица одаривала окружающих? Ничего этого более не было во мне новой, прошедшей тот ад на земле, который просто смел с моего лица все то, чем ранее я была наделена. Горько усмехнувшись я закурила сигарету и выдохнула, выпуская густой клубок дыма в отражение зеркала, который окутал меня и затем так же быстро растворился в воздухе. В эту минуту я подумала, что я пока нахожусь

в сизом дыме своего горя, но оно рассеется, обязательно со временем рассеется. Нужно только дать себе его, это время и все войдет в нужное русло.

Закрыв дверь в спальную, я прошла на кухню и выпила успокоительные капли, которые мне приписал врач. Затем прошла в гостиную. Улегшись на диван, я закрыла глаза и заснула, давая своей нервной системе восстановиться в сладкой неге сна, который в последнее время действовал на меня лучше, чем любое лекарство.

Глава 2

Проснувшись рано утром я увидела, что заботливо укрыта пледом. Встав с дивана, я тихонько вышла из гостиной. В квартире было тихо и я поняла, что отец уже уехал на работу. Состряпав на кухне себе незатейливый завтрак из яичницы и бутербродов, я заварила крепкий кофе. Наспех позавтракав и приняв холодный душ, пошла в гардеробную. Нужно было возвращаться к жизни. Выбрав элегантное красное платье и такие же туфли на каблуке, я оделась, собрала волосы в красивую прическу, схватила маленькую сумочку и вышла из квартиры, оставив ее томящую тишину за тяжелой дубовой дверью. Быстро сбежав по лестнице, я вышла на улицу и заскочила на заднее сиденье служебной машины моего отца, которая, как и прежде, ожидала меня возле дома, чтобы отвезти на работу. Подъехав к зданию управления, я выскочила из машины и, поблагодарив шофера, пошла внутрь. Идя гулками коридорами в свой кабинет, я словно заново начи-

нала все с нуля. Все осталось таким же вокруг, как и было. Но не было его, моего Димки, и я понимала, что для меня все теперь будет иначе. Что я сама по себе. Что я заново должна учиться жить без оглядки на те счастливые мгновения моей жизни, которые остались далеко позади. Пройдя мимо двух девушек, я краем уха слышала, как одна другой прошептала:

– Ишь ты, вырядилась как. Только недавно ребенка потеряла и мужа-красавца, а уже пестрая вся какая! Словно королева приперлась на работу.

Остановившись я кинула взгляд на девушек и увидела, что та, которая произнесла эти слова, была моей бывшей однокурсницей, Ниной Глебовой, которая все пять лет учебы с ней под одной крышей не упускала ни одного момента, когда могла меня задеть. Улыбнувшись я подошла к ней и проговорила, проведя рукой по рукаву ее ядовито-зеленого платья:

– А ты все такая же, Нина... ядовитая. Все так же брызнешь ядом и не преминешь укусить человека.

Затем я развернулась и гордо вскинув голову пошла дальше, звонко постукивая своими каблуками. Девушки за спиной что-то снова прошептали, но меня уже это мало волновало. Зайдя в кабинет, я поздоровалась с Валею и усевшись за стол спросила ее:

– Нина Глебова у нас работает?

– Да, она в новой группе, которую скоро будут забрасывать, – ответила девушка, ритмично постукивая по клави-

шам печатной машинки.

– В какой группе? – спросила я, разглядывая документы, которые необходимо было отнести на подписи.

– Да там, – отмахнулась Валя неуверенно и взяв папку со стола вышла из кабинета.

Поглядев вслед девушке, я встала и подойдя к ее столу, на котором лежала кипа папок с информацией об агентах, начала перебирать их. Найдя папку с надписью: «Нина Глебова», я открыла ее и начала перелистывать напечатанные листы. В самом конце небольшой стопки информации я увидела лист с напечатанными словами: «Немезида. Польша», внизу стояла подпись моего отца и дата, которая означала, что начало операции назначено через две недели. Нахмутив брови, я снова пролистала папку и положила ее на стол. Через пару минут вернулась Валя и испуганно на меня посмотрела, поняв, что я читала документы.

– Рассказывай, – строго проговорила я.

– Я не в курсе, Оля, правда, – заикаясь проговорила девушка.

– Что за группа, которую забрасывают в Польшу? – задала я еще один вопрос девушке.

– Оля, я ничего не знаю, ты же понимаешь это. Все, что могу тебе сказать, это то, что через две недели в Польшу отправится группа из трех человек, один из которых – Нина. Все остальное спроси у отца. Ты видела, что он подписывал допуск. Что это за операция, в какой город будет заброска и

прочее, я ведь не знаю всего этого! – ответила девушка и села за стол с таким видом, будто бы я была надоедливой блохой.

Схватив папку, я быстро вышла из кабинета и поднявшись на третий этаж без стука влетела в кабинет отца, напугав его секретаршу, и швырнула папку ему на стол.

– Операция Немезида через две недели в Польше, это по фон Герцену? – едва сдерживая гнев спросила я.

– Оля, успокойся, – строго проговорил отец, убирая папку в стол.

– Успокоиться? Ты же сказал, что заброски группы не будет ближайшие два месяца!

– Д, я так сказал.

– Почему ты меня обманул?

– Я знаю, что ты хочешь, Оля. Но я такого тебе не позволю! – едва сдерживаясь, чтобы не потерять самообладание проговорил отец.

– Ты же знаешь, папа, что у меня личное. Ты не можешь мне отказать в таком!

– Ты не будешь в составе группы! Ты моя дочь! Я не отправлю тебя в дорогу, которая, возможно, будет в один конец! – тихо проговорил отец.

– Я уже на дороге в один конец, ты что, не понимаешь этого!? Я успокоилась только потому, что знала, что будет группа новая, которую ты будешь забрасывать туда. И я должна быть в ее составе! Если я туда не поеду, мне нет смысла жить, папа. Я должна отомстить, как ты этого не понимаешь?! –

начиная срываться на крик проговорила я.

– Нет! – твердо сказал отец и махнул рукой в сторону двери, давая понять, что разговор окончен.

– А я сказала да! – так же беспрекословно проговорила я.

– Ты вся в мать! Такая же упертая и своенравная! – гневно проговорил отец.

– Чем тебе мама не угодила?! Она жизнь свою посвятила тебе и твоей службе! Ты ведь только тем и жил, что строил свою карьеру, совершенно не замечая того, как она страдала! Ты сам виноват в том, что она ушла тогда к твоему другу! Ты даже меня забрал у нее, не давая видеться с ней!

– Я все ей дал, твоей матери! Что ей не хватало? Денег? Нарядов? Побрякушек? У нее все было! – заорал он на меня в ответ.

– Ей не хватало тебя. У нее сейчас ничего нет. Нет таких денег. Нет побрякушек! Но она счастлива с дядей Юрой. И она никогда о тебе ничего плохого не говорит, в отличие от тебя! – едва сдерживая слезы проговорила я.

Отец посмотрел на меня и видя, что я на грани срыва, подошел и обнял меня.

– Извини, дочка, я не хотел. Я просто не могу справиться с тобой, когда ты так себя начинаешь вести. Но ты же понимаешь, что я не могу отправить тебя в Краков. Я потеряю тебя и не переживу этого. Это опасная операция. Это не просто разведка. Это разведывательно-диверсионная группа под прикрытием будет. Это уже совсем другой формат, ты пой-

ми! Все могут погибнуть. Я не подпишу твое назначение. У меня рука не поднимется! – хриплым голосом проговорил отец, держа меня за плечи и вглядываясь мне в глаза.

Я взяла лицо отца в свои ладони и сказала тихо:

– Папочка, если я не поеду, я погибну здесь. И вероятность этого больше, чем если я поеду в Краков и буду участвовать в операции. Фон Герцен забрал у меня все. Он убил меня уже тогда, когда отдал приказ расстрелять Димку. И там, подле него есть тот, кто слил информацию по нашим ребятам. Папа, я должна, понимаешь? Если ты сейчас не дашь добро на мое назначение, я доберусь до Кракова сама. Ты меня знаешь. Но в этом случае не будет гарантии точно, что я вернусь. Ты же понимаешь это?

Отец тяжело вздохнул и отошел от меня к окну. Так он стоял, отвернувшись от меня, несколько минут. Затем сел за стол и кивнул мне на стоящее напротив кресло, предлагая сесть.

– Хорошо. Лично я разрешу тебе участвовать. Но брать тебя в группу или нет, будет решать другой человек, – проговорил отец, теребя в руках перо.

– То есть ты так хочешь переложить на другого отказ мне? – гневно спросила я.

– Этот человек не слушает меня, если посчитает, что твоя кандидатура будет более подходящая, чем кандидатура Нины Глебовой, – проговорил отец, посмотрев на меня из-под лба.

– Кто этот человек? – повея бровью спросила я.

– Я вас познакомлю через пару часов, когда он приедет сюда, – уклончиво ответил отец.

– Спасибо, папа, – с облегчением проговорила я.

– Оля, операция опасная. Очень опасная. У тебя есть два часа на раздумья. Далее я подпишу твое назначение параллельно с Глебовой и дороги назад не будет, если тебя утвердят на это место.

– Папочка, ты же знаешь, что я ничего не боюсь. Ты хорошо меня воспитал. Кроме того, я военный переводчик и мое образование предусматривало то, что я могу оказаться на задании, которое, возможно, будет последним для меня. Хоть за два часа, хотя за два дня, я не передумаю. Я все решила для себя еще тогда, в больнице. И я очень рада, что ты понимаешь меня и даешь добро. Спасибо тебе, – проговорила я и слезы потекли по моим щекам.

– Рано говорить спасибо. Ты еще никуда не едешь. Я же тебе сказал, что не я буду решать, будешь ты в составе группы или нет, – строго проговорил отец, но по его глазам я видела, что он очень был расстроен тем, что я приняла такое решение. – А теперь иди к себе и жди. Секретарша вызовет тебя, когда будет необходимо, – добавил он, и я, чмокнув его в щеку, помчалась на первый этаж.

Зайдя в кабинет, я подошла к столу Вали и положив ей на плечо руку проговорила:

– Ты извини меня, что я так разговаривала с тобой. Когда

я увидела папку, то просто не смогла совладать с собой, боясь, что отец хочет оградить меня от всего того, что касается смерти Димки.

Валя отодвинула стул и внимательно посмотрела на меня.

– Оля, ты взрослая девушка. Сейчас война и нужно уметь держать свои эмоции в узде. Нам всем сейчас нелегко. Мы все кого-то потеряли на этой войне или у нас у всех есть те, за кого мы очень сильно переживаем. Твоего мужа уже нет в живых, ты уж прости меня за эти слова, но есть те, кому еще жить и жить. Отец твой сильно за тебя беспокоился, когда ты в больнице лежала. Побереги его, ели уж сама себя не бережешь. И не лезь туда, куда ты так отчаянно рвешься, до добра это не доведет тебя, – строго отчитала меня Валентина и погрузилась в свои бумаги.

Я тоже погрузилась в свои бумаги и два часа пролетели как одна минута. К нам в кабинет зашла секретарша моего отца и пригласила меня зайти к нему. Быстро вскочив я помчалась на второй этаж. Постучавшись, я зашла к отцу и села напротив с неммым вопросом.

– Скоро подойдет, – ответил он, как обычно словно читающий мои мысли. – Не передумала? – спросил он строго.

– Нет, наоборот, – едва сдерживая улыбку ответила я.

– Ну-ну..., – окинув меня неодобрительным взглядом проговорил отец и закурил трубку у окна.

Спустя несколько минут я услышала шум приближающихся шагов и повернула голову к двери, нахмурившись

при этом. Уж больно очень знакомым был четкий, размеренный звук отточенной походки, эхо которой доносилось из коридора. Спустя мгновение дверь открылась, и я в изумлении открыла рот. На пороге стояла высокая, стройная, подтянутая фигура моего преподавателя по военному делу и немецкому языку в университете. Мужчина строго посмотрел на меня своими серыми глазами и нахмурившись перевел взгляд на моего отца.

– Проходи, Андрей Владимирович, пожалуйста, – с улыбкой проговорил отец, жестом указывая на кресло.

– Здравствуйте, – поздоровался мужчина и занял место подле меня.

– Да ладно, папа! Поэтому ты так и сказал, что решать не ты будешь! Ведь знал, что операцией руководить будет он, – в ужасе посмотрев на мужчину проговорила я, встала с кресла и подошла к окну.

– Оля, успокойся, – строго сказал мне отец и сел за стол.

– Какое успокойся! Ты знал! Мало того, ты предвидел, что я захочу поехать и поэтому назначил его руководить! Ты же знал, что он никогда не одобрит мою кандидатуру. Ты знал! Как ты мог! Ты даже не сказал мне сегодня, что он будет в группе главным! – едва сдерживая эмоции проговорила я.

– Ольга Александровна, сядьте и успокойтесь! – тоном, не принимающим возражения, строго сказал мужчина и резко кивнул головой на кресло, давая мне понять, чтобы я села.

– А вы вообще молчите! – возмущенно проговорила я,

гневно сверкнув глазами в сторону своего бывшего преподавателя.

– Ты как себя ведешь со старшим по званию, Ольга! – взревел отец и я, не ожидая от него такой реакции, замолчала и молча села подле мужчины.

– Извини, Андрей, за поведение моей дочери. Сам понимаешь, нервы и все пережитое, – проговорил отец, которому было неловко за мою реакцию.

Мужчина только едва уловимо кивнул, давая понять, что понимает и извиняться перед ним не нужно.

– Вы вызывали меня для чего? – спросил мужчина у моего отца, окинув меня взглядом.

– Через две недели ты с группой вылетаешь в Краков. Я подписал назначение на твою напарницу, Нину. Но тут такое дело. Оля хочет лететь вместо нее. Я влиять на твоё решение не буду, я ей это уже сказал. Но для нее это личное. Фон Герцен приказал расстрелять Диму, её мужа, ты знаешь это. Поэтому она и рвется так туда. Я прошу тебя сейчас, в её присутствии, посмотреть её в деле во время подготовки и, если она окажется лучше Нины, взять её к себе в напарницы, – проговорил отец и посмотрел на меня.

– Нет, – не раздумывая ни секунды ответил мужчина и встал с кресла.

– Я же тебе говорила. Я знала, – прошипела я отцу, гневно окинув взглядом Андрея.

– Ольга Александровна, ничего личного, просто вы не

подходите для такого задания по своим личностным качествам, это во-первых. А во-вторых, агент с личными мотивами—это бомба замедленного действия. Эмоциям там места не будет, а вы не умеете их сдерживать, — строго сказал мужчина.

Я вскочила и подойдя вплотную к нему проговорила, начиная задыхаться от нахлынувших чувств:

— Кто бы сомневался, что я не подойду! Я всегда была плохой студенткой в ваших глазах! Плохой немецкий, ужасное произношение, идите еще учите, два за семестр, — передразнила я его.

— Но так и было, — спокойно ответил мужчина.

— Так было тогда. Но не сейчас! — гневно воскликнула я.

— Мне достаточно пяти лет знакомства с вами, чтобы понимать, что вы провалите задание и погубите всех нас, — все так же, не меняя тона проговорил мужчина, изучающе смотря на меня.

— Вы даже шанса мне не даете! Как и тогда, когда все могли переписать курсовой, чтобы получить хорошую отметку, мне вы в ответ говорили «нет» и ставили двойку, заставляя потом писать целых две работы, чтобы исправить оценку! — со слезами на глазах сказала я, понимая, что мне теперь ничего не светит и никакого Кракова не будет.

— Мы более не в университете, Ольга Александровна. От этого задания зависит слишком многое, чтобы я мог взять с собой капризную девчонку, для которой это задание всего

лишь личная вендетта и не более, – строго оборвал мою речь мужчина.

Я разочарованно посмотрела на него, затем перевела взгляд на своего отца и поняв, что он заступаться за меня не будет, со слезами на глазах выбежала из кабинета. Спустившись на первый этаж, я забрала свою сумку и стремглав бросилась из здания управления к себе домой. Открыв дверь в квартиру, я швырнула сумку с ключами на стул и пройдя на кухню взяла в буфете бутылку вина, которую дарили нам еще на свадьбу. Вино было дорогим, из коллекции какого-то сомелье, и мы с Димкой решили, что выпьем его тогда, когда будем праздновать пятилетие нашей годовщины с дня свадьбы. Поглядев на красивую бутылку, я откупила ее и села за стол, налив терпкий напиток рубинового цвета в высокий бокал. Выпив немного, я закрыла глаза и погрузилась в воспоминания моих студенческих времен.

Я тогда была и правда капризной, избалованной дочкой папы-полковника, у которой было все, включая связи в университете. Училась я так, шалтай – болтай и особо к знаниям не стремилась, поскольку и так получала хорошие отметки благодаря отцовскому влиянию. Когда в середине первого курса нам заменили преподавателя немецкого и военного дела, никто не ожидал, что место пожилого и лояльного ко всем бывшего военного займет молодой и амбициозный красавец-мужчина лет тридцати. Все девчонки таяли от его взгляда и наперебой начали усиленно учить немец-

кий, дабы своим усердием привлечь к себе внимание. Но я на тот момент уже встречалась с Димкой и мне было совершенно все равно, кто вел у нас пары по немецкому и военному делу. А, следовательно, мое старание как было на нулевом уровне, так и осталось. И все бы ничего, но мое безразличие к учебе наткнулось на беспрекословную требовательность нового преподавателя. Вот тут-то я и взбунтовалась. Между мной и мужчиной завязалась настоящая негласная война. Я упорно не хотела учить, он же в ответ упорно не хотел мне ставить оценки просто за то, что у меня такой влиятельный отец. Дошло даже до того, что меня вызвали к ректору. Но и там я топнула ножкой и меня отпустили. Вечером того же дня меня ждал неприятный разговор с отцом, который приказал мне, другого слова я просто не могла подобрать, приказал мне слушать преподавателя и делать то, что тот от меня требовал. Я откровенно испугалась тогда такой реакции отца, который за всю жизнь ни разу так себя не вел строго по отношению ко мне. С того дня я начала усиленно зубрить языки, поскольку послушаться отца не посмела. Но вот мое дерзкое отношение к молодому преподавателю ничуть не изменилось, даже наоборот. Я стала просто невыносимой. Могла дерзить ему на парах, болтать с кем-то на последнем ряду во время лекции, насмехаться исподтишка над его солдатской выправкой, которая просто бесила меня своей безупречностью и над его четкой походкой, отдававшей в гулких коридорах своим безукоризненным и

сразу узнаваемым эхом. Я даже ходить научилась, как он и всегда передразнивала его перед парами, которые вел Андрей, приводя этим в неопишуемый восторг своих однокурсников. Мужчина, казалось, совершенно не обращал на все это внимание и только лишь задавал мне втрое больше заданий, чем всем остальным, приводя меня этим в бешенство. Спустя пять лет, на выпускном, когда каждый из студентов произносил речь для какого-либо преподавателя, я встала и подойдя к микрофону сказала, глядя в голубые глаза мужчины:

– Какое счастье, Андрей Владимирович, что пять лет бесконечной зубрежки немецкого языка и военного дела закончились! Я бесконечно рада, что теперь наши пути разойдутся и мы будем вспоминать друг друга только смотря на фотографии нашего выпускного альбома.

Мужчина только кивнул мне в знак согласия тогда и выйдя из зала более в нем не появился. Отец, конечно, отчитал меня в тот момент, но мне уже было все равно, ведь я знала, что выйду замуж через месяц и была бесконечно счастлива.

Открыв глаза и вернувшись в реальность, я залпом выпила бокал до дна, затем еще и еще один, пока из бутылки не была вылита последняя капля. Изрядно опьянев я пошла в комнату отца, в которой он всегда оставался, когда приезжал к нам в гости, и нашла спрятанную небольшую бутылку коньяка, которую он усердно скрывал под комодом, думая, что я ничего не знаю. Выпив три рюмки мне стало нехорошо, и

я, заревев, опустилась на пол подле дверей кухни. Алкоголь сыграл свое злое дело. Мне стало так жаль себя, в голове была такая каша, что я невольно встала и взяв в ванной бритву села за стол с явным намерением перерезать себе вены. Когда я уже приставила лезвие к запястью, в этот момент раздался звонок в дверь. Выругавшись, я швырнула бритву на стол и держась за стены пошла открывать тому, кто посмел нарушить мою пьяную идиллию с надвигающейся смертью. Распахнув дверь я в ужасе отпрянула. На пороге стоял виновник моего теперешнего состояния.

– Я войду? – строго спросил он, окинув меня недовольным взглядом.

– Зачем? Снова будете меня отчитывать? Я более не студентка и чтение морали меня не интересует, – проговорила я заплетающимся языком и сделала характерный жест рукой, давая понять, что мне все равно.

– И все же, – ответил мужчина.

– Валяйте, – кинула я любимую похабную фразу моей бабушки, и отошла в сторону, давая ему войти.

Мужчина прошел внутрь и захлопнул за собой дверь. Затем подошел ко мне и схватив на руки, чем привел меня в немое изумление, потащил в ванную и открыв ледяную воду подставил меня под нее. Я заорала на него матом и попыталась вырваться. Он же крепко ухватив меня за плечи заставил стоять под водой, приводя в чувство. Минут через десять такой ледяной встряски весь алкоголь практически

выветрился и меня начала бить дрожь. Мужчина, сняв с вешалки большое полотенце, выключил воду и укутав меня в него, отнес на кухню и усадил на небольшой диван, стоящий у стола. Я пришла в себя и разревелась, утирая слезы мохнатой тканью.

– Кофе есть? – спокойно спросил мужчина.

– Да, в голубой банке на средней полке, – проговорила я, вытирая свой красный от слез нос.

Мужчина взял кофе и насыпав в кофеварку уже через несколько минут поставил передо мной чашку ароматного напитка.

– Пей, – проговорил он и сел напротив меня за стол.

– Вы зачем пришли? – шмыгая носом спросила я, делая глоток живительного напитка.

– Я знал, что ты натворишь что-то после нашего разговора, – ответил он, разглядывая меня.

– Можно подумать вам есть дело до меня, – скривившись проговорила я.

– До тебя может и нет. А вот до твоего отца есть. Не хотелось, чтобы он через пару дней хоронил свою дочь, – проговорил мужчина, указывая на оставленную мною на столе бритву.

Я хмыкнула и проговорила:

– Не сегодня так завтра. Вы ведь не будете подле меня вечно.

Мужчина покачал головой и спустя минуту молчания от-

ветил:

– Что за капризный и бессовестный ребенок!

– Какой есть, – безразлично проговорила я.

– Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? – строго проговорил мужчина.

– Более чем понимаю. Вы даже себе не представляете насколько! – гневно окинув его взглядом ответила я.

– Перерезать себе вены. И это на такой бессмысленный конец жизни согласна та бесстрашная, дерзкая и самовлюбленная девчонка с игривым огнем в глазах, которая каждую проводимую мной пару в университете превращала в сущую пытку? – с усмешкой проговорил мужчина, смотря мне в глаза.

Я с удивлением посмотрела на него и ответила:

– Да ладно, прям таки пытку! По вашему невозмутимому виду не было этого видно. Это вы меня доводили до белого каления своей требовательностью.

– Ну и что бы ты делала сейчас без моей требовательности? На каком уровне был бы твой немецкий? Как бы ты сейчас могла претендовать на назначение агента под прикрытием? Если бы не знала немецкий на таком уровне, который я вышколил в тебе, – все так же усмехаясь спросил мужчина.

– Это сейчас. А тогда я вас просто ненавидела! Когда все шли гулять, а меня ждал пересказ Гете в оригинале и без малейшей тени акцента в произношении, – скривившись ответила я.

– Ты училась на военного переводчика. Я обязан был требовать от тебя достижения того уровня, на который только ты в группе была способна.

– Я способна? Я вас умоляю! Тогда я была способна только часами выбирать себе платье и накручивать волосы перед зеркалом, – улыбнувшись ответила я.

– Вот поэтому мне и приходилось вести себя так, дабы вынудить тебя делать то, что ты упорно не хотела, – проговорил мужчина.

– И у вас очень хорошо это выходило. Я вас единственного из всех преподавателей запомнила до мельчайших подробностей. Ваши жесты, походку, недовольный взгляд, надменную улыбку, отменную осанку и даже вашу подпись! Я все это запомнила на всю жизнь и если бы не встретила вас более, то через пару десятков лет так же безошибочно могла бы все описать. Вот как вы мне тогда въелись в память со своими требованиями, – с насмешкой ответила я.

– И что, теперь, когда ты знаешь, что я буду руководить операцией, у тебя не возникает желания отказаться от затычного?

– Нет. Для меня это задание очень важно! Это мое задание, которое я готова выполнять, даже если мне придется подчиняться вам еще раз в своей жизни. Я переживу это. Надеюсь, – проговорила я, зыркнув на мужчину из-под лба.

Мужчина опять молча начал меня изучать и затем добавил:

– Я дам тебе шанс, раз уж для тебя это так важно. Две недели осваивать все наравне с Ниной. В конце этого срока я устрою экзамен. Та из вас, которая, по моему мнению, мне больше подойдет, отправится со мной в Краков. Буду оценивать беспристрастно, невзирая на наши прежние разногласия, обещаю. Но ты должна понимать, что юлить так, как ты это делала в университете, здесь не получится. Ты – такая же, как и все остальные. На задании мне нужна сильная партнерша, способная в любой момент сделать невозможное.

– Вы шутите сейчас? Вы правда дадите мне шанс попасть к вам в группу? – недоверчиво спросила я.

– Дам шанс, почему бы и нет? – ответил мужчина. – Но ты должна дать мне слово, что ты более не будешь думать о том, что хотела сделать сегодня, если я не выберу тебя. Я же в ответ даю тебе слово, что даже если ты и не будешь в составе моей группы, я сделаю все от меня зависящее, чтобы фон Герцен и его информатор ответили за то, что сделали с твоим мужем.

Я, все так же недоверчиво смотря на мужчину, проговорила:

– Хорошо, я обещаю, Андрей Владимирович.

– Зови меня просто Андрей. Тебе нужно привыкать к такому личному ко мне обращению, поскольку задание далее обяжет нас к более тесному контакту. А теперь мне нужно идти. Тебя я жду завтра в восемь часов утра, и ни минутой позже, в нашем штабе подготовки, – сказал мужчина и встав

направился к выходу.

Я вскочила с дивана и засеменяла за ним, укутавшись в полотенце. Открыв дверь и отойдя в сторону, давая ему выйти я проговорила:

– Спасибо вам... Андрей.

Мужчина едва заметно улыбнулся и вышел за порог, оставив меня одну.

Закрыв за ним дверь, я удивленно подняла брови, явно не до конца еще осознавая то, что сейчас произошло. Сам Чернов Андрей Владимирович собственной персоной в моем доме! Скажи мне кто о таком в мои студенческие годы, я бы только рассмеялась. Зайдя на кухню, я выглянула в окно на улицу, наблюдая за тем, как мужчина вышел из дома и направился к стоящей у обочины машине. Словно почувствовав, что я за ним наблюдаю он поднял голову и посмотрел на мое окно. Я подняла руку и помахала, он же кивнул с улыбкой и сев в свой автомобиль уехал. Я же продолжала все так же смотреть на улицу, размышляя над всем тем, что он сказал. Вспоминая, каким он был тогда и сравнивая с тем, каким он стал сейчас, я сделала для себя вывод, что он практически не изменился. Два года прошло после окончания университета. Сколько ему было сейчас лет? Тридцать шесть где-то, наверное. Странно так, вот ведь как может закручивать судьба наши жизненные дороги. Мне тогда, на выпускном, казалось, что я вряд ли увижу этого мужчину еще раз. А вышло так, что я не просто его увидела, а снова попала под его

строгий контроль, из которого так хотела в свое время вырваться в университете. Андрей. В жизни не подумала бы, что он попросит так его называть! С такой мыслью я пошла в спальню и упав на кровать проспала до следующего утра, поскольку выпитый алкоголь взял свое от моего организма, заставив его провалиться в зыбучую пучину тревожного сна. Когда на следующее утро прозвенел будильник, оповещая о том, что мне пора вставать, я на удивление быстро пришла в себя и приняв холодный душ, который смыл остатки вчерашнего моего одиночного кутежа, зашла на кухню, где уже завтракал мой отец.

– Доброе утро, дочка, – улыбнувшись проговорил отец. – Я тебе омлет сделал, позавтракай. И кофе в кофеварке только что сварил, еще горячий.

– Что бы я без тебя делала! – радостно проговорила я, целуя своего отца в щеку.

– Ты, вижу, радостная сегодня, – проговорил отец, с интересом наблюдая за тем, как я напеваю себе под нос детскую песенку, которую всегда пела еще маленькой в те минуты, когда что-то замышляла.

– Мне, папа, Андрей шанс дал, представляешь! – радостно проговорила я, усаживаясь за стол. – Он вчера сюда приходил и сказал мне, что я могу пройти подготовку наравне с Ниной, а потом он решит, кто из нас поедет в Краков.

Отец нахмурил брови и строго посмотрел на меня, грустно проговорив при этом:

– Даже здесь добилась того, чего хотела.

– Ну, я еще не добилась ничего. Но я буду стараться и очень надеюсь, что у меня все выйдет, – уплетая омлет за обе щеки проговорила я.

– А я буду надеяться, что ты провалишь все, ты уж меня извини, дочка. Но это не то, за что я буду скрещивать пальцы, в надежде, что ты все осилишь, – ответил отец.

– Папа, – укоризненно проговорила я, посмотрев обиженно на отца.

– Ладно, буду надеяться на то, что Андрей так же, как и тогда в университете, будет натягивать твои поводья и ты не выдержишь и психанув забросишь все к черту, – недовольно проговорил отец и встал из-за стола.

– Не заброшу. Я уже не та девчонка, которая мечтала только о красивых нарядах и прекрасном принце. Интерес к нарядам потерял свою прелесть, а прекрасного принца убили, – строго ответила я отцу и закинув тарелку в мойку пошла одеваться на работу.

Надев строгое платье серого цвета и черные туфли-лодочки, я заплела косу и уложила ее вокруг головы, заколов затейливыми шпильками с бусинками на конце, и поглядев в зеркало была вполне довольна своим образом молодой строгой барышни, которая готова учиться, учиться и еще раз учиться. Затем я вышла на улицу и села в машину моего отца, который сегодня лично решил меня отвезти в штаб подготовки, дабы как всегда все держать под своим неусыпным кон-

тролем. Мы с отцом практически не разговаривали всю дорогу, погруженные каждый в свои мысли и спустя час езды остановились подле невысокого трехэтажного здания, которое стояло на окраине Москвы. Выйдя из машины, мы зашли внутрь. Отец сразу пошел в кабинет к тому, кто курировал деятельность штаба, я же, оставшись одна покружилась вокруг себя, рассматривая строгую военную обстановку этого здания. Затем задумчиво подошла к окну и остановилась, разглядывая снующих снаружи людей в военной форме.

– Ну что, Оленька, папина дочка, и сюда пробралась? – услышала я за спиной слащавый голосок и испуганно обернулась.

Передо мной стояла Нина, наигранно радостно улыбаясь и хлопая своими длинными накрашенными ресницами.

– Не пробралась, а была назначена. И я тоже рада тебя видеть, – ответила я ей тон в тон.

– Как же, была назначена. Кем? Папочкой? – спросила с насмешкой девушка, накручивая на палец свои длинные волосы, которые тяжелой гривой ниспадали ей до самого пояса.

– А хоть бы и так. Тебе-то что с того? – ответила я, окинув ее презрительным взглядом.

– Мне – ничего. Но только ты не думай, что Андрей возьмет тебя в Краков вместо меня. Избалованная девочка решила отомстить?! Похвально! Да только не потянешь ты такое задание, уж больно ты привыкшая к роскоши и обходительному отношению. А там то что? Там же фрицы, смерти

вокруг, стрельба, ужас просто! – закончила она насмешливым устрасшающим шепотом.

– Я думала, что ты рада будешь появившейся возможности как всегда миновать опасностей. А ты рвешься в самое пекло. Помереть хочется, да, Ниночка? – ответила я таким же шепотом.

– Я не помру. Никто не помрет... Если конечно вместо меня не поедешь ты, – ответила Нина и окинула меня презрительным взглядом.

– Какая ты, Нинка, злая. Откуда это в тебе? – осуждающе спросила я девушку.

– Ты бесишь меня просто, Соколова, с самого первого дня нашей учебы в университете ты меня бесишь, – зло прошипела девица мне в ответ.

– И что, легче становится, когда ядом поливаешь меня?

– Легче, представь себе!

– Ну ты и стерва, – вспыхнув сухо кинула я.

– Сама такая, – выкрикнула в ответ Нина.

– Ану прекратить! – услышали мы за спиной строгий выкрик Андрея и разом обернулись к нему. – Не забывайте, где находитесь!

– Извините, Андрей Владимирович, больше такое не повторится, – тоненьким голоском промолвила Нина и потупив глазки быстро забежала в кабинет, откуда только что вышел наш командир.

Мужчина недовольным взглядом окинул меня и нахму-

рился.

– А что сразу на меня так смотрите? – воскликнула я.

– Иди в кабинет, Ольга, – сухо кинул мне Андрей и когда я зашла в комнату закрыл за нами дверь и уселся за стол.

В кабинете помимо нас был еще один человек, мужчина высокого роста и крепкого телосложения, с пронзительными карими глазами, волевым подбородком и темными волосами, подстриженными по последней моде. На вид мужчине было около сорока – сорока пяти лет. Он то и дело прищуривал глаза и периодически осуждающе качал головой, словно был не в восторге от того, что под его крыло попали такие молодые и неопытные разведчицы. Он посмотрел на нас с Ниной и представился:

– Я капитан Гордеев Владлен Юрьевич.

– Очень приятно, товарищ капитан, – в один голос ответили мы с Ниной.

– Я, товарищ майор Чернов и одна из вас, девочки, будем выполнять задание под прикрытием в Кракове, – проговорил Гордеев и прикрепил на доску три фотографии.

На одной из них была изображена красивая молодая женщина с игривой улыбкой, тонкими чертами лица, большими глазами, обрамленными длинными ресницами и русыми волосами, причудливо уложенными в затейливую прическу. На двух других были изображены мужчины, возраст одного из которых примерно совпадал с возрастом Андрея, возраст другого же с возрастом Владлена.

– Это Вернер, барон фон Штольц, – проговорил мужчина, указывая на одного из мужчин, – один из засекреченных контрразведчиков Абвера. Направляется обычно в самые важные части оккупированной немцами территории для выявления там деятельности вражеских агентов. Цель его – наш агент при фон Герцене и вся подпольная агентура Кракова. Ехать он будет с якобы репортершей-помощницей, Хильзой Миллер, которая на деле является его любовницей и правой рукой. Сам же он в этот раз будет работать под видом репортера газеты «Ангриф».

– То есть одна из нас будет играть любовницу? А товарищ майор Штольца? – напряженно спросила я.

– Да, – ответил Гордеев и продолжил, – Хильза Миллер, умная, ветреная, капризная, бесшабашная молодая немка, любительница драгоценностей, красивых нарядов и развлечений, такова ее роль при Штольце. На самом деле такой типаж выбран ими не случайно. Закатывая приемы для офицерского состава Хильза пристально наблюдает за всеми и умело может определять тех, на ком нужно поставить знак вопроса. Да и развязывать языки мужчинам она может так же мастерски, как и организовывать развлечения. Она хорошо играет в карты, поет и танцует. В общем является образцом эдакой красавицы-распутницы при своем любовнике. И третий персонаж, – продолжил Гордеев, указывая на третью фотографию. – Правая рука Штольца, Гельмут Штайнер, на котором держатся все организационные вопросы. Гельмут–че-

ловек немногословный, строгий и проницательный. Часто по приезду в назначенное место выходит в люди в образе гражданского и наблюдает, собирая информацию, пока Хильза и Штольц занимаются делами среди офицерского состава армии. Это мой объект, его буду играть я.

– А что до реальных людей? Что с ними? – спросила Нина.

– Через две недели они будут на подъезде в Краков. Наш отряд захватит их машину, и мы займем их места, – ответил Андрей. – Они же будут ликвидированы.

– А фон Герцен не знает, как выглядят эти люди? – с опаской спросила я.

– Никто не знает. Информация о Штольце и Миллер не передается никогда и никому. Никаких фотографий или записей. Его самого и его группу по факту принимают по приезду и все. Это точная информация от нашего человека в Абвере, поэтому переживать по этому поводу не стоит, – ответил Андрей.

– Наша задача, – продолжил Гордеев, – на месте по возможности попытаться выяснить, кто доносит информацию о перебросках наших людей в Польшу и собрать по максимуму информацию о минировании города, ну и сделать вид, что ищите в рядах офицеров советского разведчика.

– А фон Герцен? Что с ним? – едва сдерживая волнение спросила я.

– По нему все указания будут получены нами на месте по факту выполнения задания первостепенной важности, –

ответил Андрей.

– Мы должны быть очень осторожны, поскольку фон Герцен еще та птица. Вряд ли он будет доверять на все сто тем, кого не знает в лицо. А поскольку проверить эту тройку у него возможности не будет, то он будет проверять прибывших, дабы удостовериться, что мы те, кем представились. Человек он очень осторожный, поэтому мы должны отнестись к его персоне с должной осмотрительностью. Поэтому здесь, – сказал Гордеев, протягивая нам с Ниной толстые папки, – вся информация по Хильзе, Штольцу и Штайнеру. Привычки, образ жизни, предпочтения, и прочее, что мы должны знать, дабы сойти за этих немецких агентов. То, что их фон Герцен не знает лично, не снимает с нас обязанность выглядеть как они, думать как они и действовать тоже как они. За две недели вы, Нина, и вы, Ольга, должны назубок знать материалы этой папки от корки до корки. На Миллер лежит львиная доля обязанностей по отведению подозрения от нашего агента, который есть в рядах немцев, сыграть эту женщину нужно безупречно. Кроме того, фон Герцен, скорее всего, в любом случае по максимуму разузнал все о наших немецких контрразведчиках, дабы понимать, кому он будет доверять информацию о своих офицерах. Поэтому мы все должны быть убедительными как никогда, играя эту тройку, – проговорил Гордеев и поставил перед нами с Ниной две коробки. – В этих коробках разные мелочи, которыми пользуется в обыденной жизни Хильза. Мыло, духи, сига-

реты, косметика. Помаду она предпочитает исключительно красного цвета, поэтому никакой другой цвет использовать нельзя. Хильза большая поклонница творчества Вивьен Ли, поэтому стиль она поддерживает соответствующий. Одежда по размеру одной из вас будет ждать вас в Польше у одного нашего агента, женщины, которая занимается тем, что обшивает жен из правящей верхушки Кракова. Миллер элегантна, у нее утонченный вкус, но поведение порой слишком вызывающее, подробнее вы прочитаете из донесения. Они со Штольцем одержимы друг другом, возможно поэтому у них такой великолепный тандем в работе. Об этой их привязанности знают все в Абвере, даже те, кто никогда не сталкивался с ними. Фон Герцену, скорее всего, об этом тоже будет известно. Нужно суметь разыграть такую страсть, дабы у него не закралось и тени сомнения насчет привязанности пары. Помимо всего прочего, вам, девочки, нужно научиться играть в карты так, будто бы колода провела в вашей сумочке пол жизни. В этом вам поможет Игорь, криминальный авторитет по прозвищу Туз. После нашего инструктажа вы, Ольга, сразу пойдете к нему в соседний кабинет, куда его приведут из камеры. Миллер великолепно играет в карты, фон Герцен, более чем уверен, заинтересуется ее такой страстью к игре, поскольку и сам частенько засиживается за карточным столом. Далее необходимо выучить пару песен на немецком, которые придется исполнить, если того кто-либо пожелает. Миллер всегда с удовольствием откликается на та-

кую просьбу, поэтому нужно уметь делать и это. Не думаю, что для вас это будет проблемой, поскольку вы пели в ансамбле при университете. С репертуаром вам поможет Мария Федоровна, к ней пойдете после Туза. Далее танцы, но я думаю, здесь особо заострять внимание не будем. Я говорил с вашим бывшим учителем танцев, танго и прочее для вас сущий пустяк. В общем первый день у вас на раскачку, с завтрашнего дня начинаете вживаться в образ. Я буду курировать эти две недели вас, Ольга, а Андрей Владимирович вас, Нина. Через две недели Андрей посмотрит вас обеих на деле и решит, кто составит ему компанию, так сказать, в Кракове. Все ясно? Вопросы есть? – закончил Гордеев и окинул нас взглядом.

– Нет пока, – пожав плечами ответила я и Нина меня подержала.

– Ну и прекрасно, – улыбнулся Гордеев. – Я вас отпускаю. Сейчас вы, Нина, к Марии Федоровне, вы же, Ольга, к Тузу. Потом поменяетесь местами и по домам изучать дела. Завтра жду вас в такое же время, – добавил он и мы с Ниной вышли из кабинета, прихватив с собой увесистые папки, которые нам необходимо было изучить.

– Ну, как тебе заданьице? – на удивление дружелюбно спросила Нина.

– Не знаю. Сыграть такую особу-дело не из легких, – напряженно ответила я.

– Вот и я о том же, – ответила Нина и мы с ней направи-

лись каждая в свой кабинет.

Зайдя в комнату, я очутилась в небольшом помещении, по центру которого стоял круглый стол, накрытый бархатной скатертью бордового цвета. На высоких окнах красовались решетки, из чего следовало, что мой учитель карточной игры, если его можно было так назвать, личность довольно таки скользкая и на свободе, мягко говоря, нежелательная. За столом сидел мужчина лет сорока с густыми русыми волосами, тронутыми сединой на висках, легкой щетиной, голубыми глазами и аристократическими чертами лица, которые с лихвой выдавали его непростое происхождение. Особое мое внимание привлекли к себе его длинные красивые пальцы, которыми он перебирал вощеную колоду карт. «Таким пальцам не карты бы перебирать, а клавиши фортепиано», – мелькнула у меня такая мысль. Поодаль стоял военный с автоматом в руках на тот случай, если Туз решит выкинуть что-то, выходящее за рамки его теперешнего задания.

– Кааакая краля, мы такую не видали. И не видали, и не... – нараспев проговорил пошлую фразу бархатным баритоном Туз, откидываясь на спинку стула. – Чего, начальник, не сказал, что нужно будет учить играть такую деваху смазливую? – засмеявшись спросил мужчина у стоявшего у стены военного.

– Язык не распускай больно, а то сам знаешь, – строго проговорил военный и Туз скривил губы услышав такой ответ.

– Да я бы тут не только язык распустил, а еще и лапам бы волю дал, – все так же усмехаясь проговорил он и военный хотел было уже подойти к нему, дабы усмирить немного, но я едва уловимым движением руки остановила его и села за стол.

– Здравствуйте, Игорь. Или Туз? Как вы предпочитаете, чтобы я вас называла? – спокойно спросила я, улыбнувшись мужчине.

– Да и так, и так пойдет. Как самой нравится, так и называй. Такой конфете все позволю, – проговорил мужчина, похабно облизнув свои губы.

Я удивленно посмотрела на мужчину и у меня в голове уж никак не вязалась его аристократическая внешность с его нахальным поведением.

– Хорошо, тогда буду называть вас Туз. Раз уж вас так прозвали, значит не зря, – ответила я, внимательно наблюдая за мужчиной.

– Туз так Туз. Тебя-то как звать, милаха? – спросил мужчина.

– Ольга, – ответила я.

– А по батюшке? – прищурился и спросил мужчина.

– Для вас просто Ольга, – ответила я и улыбнулась.

– Ну, значит будем с тобой на ты, Ольга, – ответил мужчина, проделав с колодой карт такое, от чего мои глаза в восхищении расширились.

– Вы виртуоз, – сделала я комплимент Тузу.

– А то! Не зря же сама разведка вызвала именно меня, – проговорил мужчина. – Куда-то тебя направили, если нужно такое умение освоить? – спросил он, начиная быстро раздавать карты.

– К немцам под прикрытием. Нужно войти в образ женщины, которая виртуозно играет в карты, – ответила я и взяла карты со стола.

– Такую девку и к немцам? Ты, красавица, дальше папкиного дома то выходила куда-нибудь? – спросил Туз, окинув меня насмешливым взглядом.

– Нет, – ответила я честно.

Туз, не переставая на меня смотреть, повел бровью и спустя минуту молчания сказал:

– Фрицы ты хоть представляешь себе, что с тобой сделают, если раскроют?

– Не раскроют, – ответила я, решив не обращать внимания на то, что говорил Туз.

– А то так оно и будет думаешь? – прищурив глаза спросил мужчина, выкладывая передо мной две карты.

– Так оно и будет. Не раскроют, если и ты внесешь свой вклад в освоение того, что мне нужно, чтобы отменно сыграть свою роль, – проговорила я, положив свои две карты на стол.

Туз посмотрел на мой ход и скривился:

– Ну что это такое!? У тебя же там дама пик и валет крестовый, а ты такую шушваль мажешь!

– А ты откуда знаешь? – удивленно спросила я.

– Да я же карты сдавал. Я знаю, – озорно сверкнув глазами ответил Туз, довольный тем, что произвел на меня впечатление.

– Ну вот и научи меня всему по максимуму. Всему, что сам знаешь. Это задание для меня-все! Прошу тебя. Как человека прошу, – тихо проговорила я, накрыв своей ладонью крепкую руку Туза.

Мужчина удивленно на меня посмотрел и погладив большим пальцем нежную кожу моей руки строго спросил:

– У тебя личное?

– Личное, – ответила я.

– Погиб кто?

– Расстреляли... мужа... любимого мужа, – ответила я и почувствовала, как слезы предательски начали застилать мои глаза. – Офицер один. Всю группу под расстрел. Ненавижу гада. И ещё скотина одна там, которая доносит, информацию сливает.

Туз молча забрал у меня карты и начал их перекидывать из руки в руку, проделывая такие манипуляции с ними, что я напрочь позабыла, что передо мной просто преступник. У меня было такое ощущение, что Туз – фокусник высшего пилотажа. Затем он положил колоду посередине стола и сказал:

– Я научу... За две недели будешь моей копией в женском обличье. Но, скажу тебе так, милаха. Пока ты свою вендетту не похоронишь глубоко внутри и не станешь смотреть на

задание как на выполнение долга перед Родиной и не более того, заранее можешь считать операцию проваленной на все сто.

– Почему? – нахмурившись спросила я.

– Эмоции, детка. Под действием эмоций только дров наломаешь и все, – сказал Туз, глядя на меня, сцепив руки в замок при этом.

– А как побороть эти эмоции? – спросила я.

– Смотри на прошлое как на свершившееся и безвозвратное, которое нельзя вернуть, сколько бы пулю ты не выпустила в немецкого офицера, забравшего у тебя твоего мужчину. Это все прошло. Впереди твой путь, твоя жизнь, твоя судьба. Земной же путь твоего мужа окончен. Все. Помни, что отомстить ты сможешь только тогда, когда трезво будешь оценивать ситуацию, а не лезть голой грудью на амбразуру. Вот как покопаешься в себе, сможешь сделать в груди своей штиль из бушующего моря ненависти, вот тогда и сыграешь хорошо свою роль, и отомстить сможешь, и пулю ответную в лоб немцупустишь. А если не утихомиришь себя, это все так, – проговорил Туз, снисходительно махнув рукой в сторону колоды карт, давая мне понять, что учись – не учись, все равно погибнешь.

Не то, чтобы я не знала того, что он мне говорил, но слова этого прожженного криминальной жизнью красивого мужчины почему-то возымели на меня свое действие. Я посмотрела на него и отчего-то к нему у меня возникла симпатия.

Взяв колоду в руки, я перетасовала ее и поглядев серьезно на Туза сказала:

– Учи. У меня есть две недели, чтобы все освоить и добиться штиля в груди.

Мужчина довольно улыбнулся и ободряюще кивнув мне в ответ занялся моим обучением такому непростому, как оказалось, ремеслу.

Выйдя от Туза, я прошла в комнату где меня ждала Мария Федоровна, педагог по вокалу. С ней мы выбрали несколько песен из самых наиболее любимых немцами и пробежавшись по ним довольные закончили занятие. Забрав свою папку и коробку, я вышла в коридор и подошла к кабинету, на котором висела табличка «Майор Чернов Андрей Владимирович». Тихонько постучавшись и услышав разрешение войти, я открыла дверь и переступила порог кабинета.

– Ты закончила? – спросил мужчина, отрывая взгляд от стопки каких-то бумаг и строго глядя на меня.

– Вы опять на меня так смотрите, – нахмурившись проговорила я.

– Как? – приподняв бровь спросил мужчина.

– Как тогда, в университете, когда я в третий раз приносила вам переписанный мной курсовой и знала, что вы отправите все переделывать в четвертый, едва взглянув на исписанные мной листы, – строго проговорила я.

– Мне нужно время, Ольга, чтобы твой прежний образ выветрился из моей головы. Если выветрится, конечно, – от-

ветил мужчина, с интересом разглядывая меня.

– Тот образ уже не имеет ничего общего со мной теперешней. Слишком много воды утекло, – проглотив подкапывающий к горлу комок ответила я. – Тогда я была счастливой юной барышней, любимицей папы, предметом мечтаний мальчишек и зависти девчонок. Мое прошлое «я» было похоронено под толстым слоем земли вместе с моим мужем и моим нерожденным малышом. Поэтому, не надо более на меня смотреть таким взглядом, будто бы перед вами все та же нерадивая студентка, которая превращала каждую проводимую вами пару в ад, – закончила я и одинокая слеза, которую я не смогла сдержать, скатилась по моей щеке.

Мужчина кивнул в ответ и сказал, переведя тему разговора в другое русло:

– Как тебе Туз?

– Туз? – пожав плечами спросила я. – Он умный, проницательный, хороший я бы даже сказала, если бы не знала, что он с криминальным прошлым, да и с настоящим тоже. Мне он понравился. Мы нашли общий язык и думаю я быстро освою все, чему он меня учит.

– Странно. Нина сказала все с точностью до наоборот, – сузив глаза ответил Андрей.

– Вы учили и Нину, и меня. Поэтому, раз уж вы обо мне имеете свое представление, то и о Нине тоже. Вы сами должны понимать, почему она так сказала, – уклончиво ответила я.

– Знаешь, что мне в тебе нравится, Ольга? – не переставая изучающе рассматривать меня спросил мужчина.

– Что?

– Ты никогда никого грязью не поливаешь. А это о многом говорит.

– Вам виднее, – пожав плечами ответила я и добавила, – мне можно идти?

– Да. Конечно. Завтра здесь в такое же время. И не забудь, с завтрашнего дня вживаешься в образ Хильзы Миллер. Прическа, макияж и прочее. А теперь можешь идти, – сказал мужчина и кивнул мне на дверь.

Я поблагодарила и выйдя из кабинета направилась домой, по пути заскочив в пару магазинов одежды, где подобрала себе несколько подходящих под нужный образ платьев, туфель и аксессуаров.

Зайдя домой и скинув со своих ног туфли, я на ходу начала развязывать папку с биографиями нашей тройки и сразу же пошла на кухню. Усевшись на диван подле стола, я достала скрепленные скрепкой бумаги с надписью: «Хильза Миллер». Поверх страниц была прикреплена фотография женщины и я, вытащив ее, взяла в руки и начала рассматривать, пытаясь сначала только по изображению понять, что в этой женщине такого особенного, что она занимала такую важную нишу в немецкой контрразведке. С фотокарточки на меня смотрела, бесспорно, очень красивая женщина, но не только красотой она брала то, что хотела, скорее всего. Она была

умна. Я видела это по ее затянутым поволокой соблазнения большим красивым глазам, обрамленным длинными ресницами. Было что-то в ее взгляде такое, от чего даже мне, ни разу в жизни не видевшей эту женщину, захотелось поежить-ся. Отложив фотографию в сторону, я начала читать донесение нашего агента.

«Хильза Миллер, молодая, красивая женщина двадцати семи лет от роду. Имеет слегка вытянутое лицо, обрамленное темно-русскими прядями волос, всегда уложенными в красивую прическу. Темный цвет волос оттеняет светлую кожу, на которой всегда играет едва уловимый румянец. На лице выделяются миндалевидные глаза насыщенного серого цвета. Их обрамляют длинные, пушистые, мастерски накрашенные ресницы, которые придают ее взгляду то самое знаменитое соблазнительное выражение, от которого, как говорят, даже сам фюрер был в восторге. Когда женщина смеется, ее глаза словно искрятся, а во время того, как она слушает собеседника, ее взгляд становится томным и более глубоким. На высоком лбу выделяются темные, изящно изогнутые брови. Тонкий, слегка вздернутый нос придает лицу Хильзы Миллер игривое выражение. За полными, четко очерченными губами неизменно ярко-красного цвета прячутся ровные жемчужно-белые зубы. Высокие скулы и заостренный подбородок выдают аристократическое происхождение красавицы. Тонкий стан в сочетании с всегда прямой спиной придают этой женщине поистине королевскую осанку, а вздернутый

подбородок говорит об уверенности в себе. Хильза всегда идет плавно, словно кошка. Ее движения мягкие, грациозные. Каждый жест этой красавицы изящен. Она любит грациозно откинуть прядь волос с лица, провести пальцами по щеке, поправить серьги или ожерелье. Эта женщина даже садится настолько привлекательно, что притягивает взгляды окружающих.

Оказываясь в обществе мужчин Хильза начинает вести себя в зависимости от поставленной перед собой цели. Иногда она принимает на себя образ игривой, глупенькой кокетки. Иногда это уже сдержанная, неприступная красавица. Потом раскрепощенная блудница. Доселе я так и не смог определить какая же на самом деле настоящая Хильза Миллер. Одно только остается неизменным, когда подле нее находится Штольц. В такие минуты Хильза полностью поглощена ним. Как, впрочем, и он ею. В их глазах всегда горит такой дикий огонь желания друг к другу, что мне порой кажется, что они не любят, а одержимы. Не раз я являлся свидетелем картины, когда Хильза и Штольц были на приеме, и в какую-то минуту, не важно, чем они занимались, играли ли в карты или беседовали с кем-то, Хильза могла подойти к Штольцу и обняв его что-то прошептать на ухо, потеревшись своим носом о его щеку, Штольц брал ее после этого за руку и немедленно уводил в какую-то отдаленную комнату. Проследив за ними, я понял, что они уходили, чтобы придаться любовным утехам вдали от назойливой толпы.

Одевается Хильза всегда безупречно и откровенно. У ее платьев всегда глубокое декольте, едва прикрывающее ее красивую грудь. Шьет платья она себе на заказ, поскольку такой фасон очень редко можно встретить в магазинах для воспитанных женщин.

Любит шампанское и терпеть не может красное вино. Выпивая бокал до дна всегда большим пальцем руки медленно проводит по губам, стирая с них каплю оставшегося алкоголя. Делает она это изящно и непринужденно, но в то же время с подтекстом – во мне столько страсти, что утолить ее может не каждый. Много курит. Предпочтение отдает тонким женским сигаретам, привезенным из Америки. Любимые духи – Шалимар. Смешиваясь с присущим только ее коже индивидуальным запахом эти духи дарят их обладательнице в лице Миллер непередаваемый шлейф, наполненный коктейлем обворожительных и страстных нот. Особую страсть питает к жемчугу и изумрудам.

Увлекается творчеством британской актрисы Вивьен Ли, поэтому и свой образ максимально подвела к сходству с ней.

Очень хорошо играет в карты. Часто жульничает и если кто-то из мужчин подлавливает ее на этом, то наивно хлопает ресницами и начинает извиняться, объясняя это тем, что это является ее слабостью. Но подлавливают ее крайне редко, настолько искусно она все проворачивает.

Прекрасно поет, обычно заканчивая песню мягким шепотом с едва слышимой хрипотцой. Я бы сказал, что это явля-

ется маркой именно ее исполнения.

Отменно знает русский и польский языки. Произношение чистое, без тени акцента.

Эта женщина очень умна и проницательна. Когда она смотрит на кого-то, то кажется, что она читает его, как книгу. Не даром на их с Штольцем долю припадает такое количество раскрытых агентов под прикрытием.

Несмотря на то, что у них с Штольцем явные крепкие и долговечные отношения, Хильза достаточно ветреная особа. Открыто о романах ее ничего не известно, но вот флиртует она со всеми подряд. Штолец достаточно терпимо относится к ее такому пристрастию. Возможно потому, что человек он весьма сдержанный и уравновешенный, и имея в любовницах такую яркую женщину, как Хильза, смотрит на такие вещи, как флирт и кратковременные симпатии, сквозь пальцы. Но, возможно, она действительно верна ему, и он это прекрасно знает, поэтому и ведет себя так.

Не носит обувь на высоком каблуке, отдает предпочтение лодочкам и сапогам на низком ходу, либо же каблукам среднего размера.

На приемах ест только рыбные блюда и ни капли хлеба. Может выпить пару чашек крепкого кофе»

Закончив читать, я задумчиво бросила листы на стол и взяла в руки фотографию Хильзы, рассматривая ее с долей недовольства.

– Ну и попробуй возьми перевоплотись в такую как ты,

Хильза Миллер, – проговорила я, глядя на фотографию женщины.

Затем я открыла коробку, наполненную мелочами, которыми в жизни пользовалась Хильза Миллер. Достав небольшой пузырек духов Шалимар, я брызнула их себе на запястье и меня тотчас же окутало облаком пряного восточного аромата, который могли носить только уверенные в себе женщины, настолько откровенным был запах, который так любила немка. Затем я достала пачку сигарет и закурила. Мягкий дым табака высшего сорта наполнил мои легкие и я одобриительно повела бровью, отдавая должное женщине, которая выбирала для себя только лучшее. Далее я вытянула коробочку с картами и вытряхнув их на стол стала пробовать воспроизвести то, чему меня смог научить Туз за сегодняшний день. Спустя пару часов неспешных проб я уже вполне сносно могла делать некоторые флориши и освоила метод тасования карт, именуемый вольтом Шарлье, при котором нужная карта всегда оставалась на одном и том же месте. Посмотрев на часы, я увидела, что время уже близилось к одиннадцати часам ночи. Собрав все предметы со стола, я наспех приготовила яичницу для отца, который приходил в последнее время далеко за полночь, и приняв ванную просто-таки свалилась в постель и спустя всего несколько минут забылась крепким сном.

Глава 3

Проснувшись на следующее утро так рано, что еще и отец

не встал с кровати я, наспех позавтракав бутербродами и кофе, пошла в гардеробную и закрылась там, дабы сосредоточенно начать подбивать свой мышиный, каким мне казался в сравнении с Хильзой Миллер, облик под вид этой красавицы. Достав новое купленное платье, я натянула его и скривилась, посмотрев на себя в зеркало. Платье хоть и было самым что ни на есть откровенным из всех перемеренных мной в магазине, но оно ни на йоту не походило на образ дерзкой немки. Подумав пару минут, я дополнила платье тонким черным поясом, который подчеркнул мою тонкую талию, и недовольно передернув плечами перешла к прическе. Взяв нагретые щипцы, я накрутила несколько крупных локонов и уложила их вокруг своего лица, оставив открытым свой высокий лоб так же, как это выглядело на фотографии Хильзы. Уложив остальные волосы в пучок, я вполне была довольна результатом. Далее я перешла к лицу. Посмотрев внимательно на себя, я нанесла тонкий слой ароматной пудры, скулы подчеркнула румянами, глазам с помощью карандаша придала миндалевидную форму и нанеся последний штрих в виде кроваво-красной помады посмотрела на себя в зеркало и ахнула. На меня смотрела пусть и не идентичная, но вполне себе сносная копия Хильзы. Приняв томное выражение лица и слегка приоткрыв рот, я усмехнулась и схватив маленькую сумочку вышла в прихожую, где уже одевался мой отец.

– Что за черт! – испуганно посмотрев на меня выругался отец и спустя мгновение зашелся смехом. – Это что за образ

такой новый?

– Образ черта, ты правильно выразился. Точнее чертовки, которую я буду играть в Кракове, если Чернов выберет меня, – улыбнувшись ответила я отцу.

– Ох, дочка, – неодобрительно ответил отец и мы, выйдя с ним из квартиры направились к машине, которая, как и вчера, отвезла меня в штаб, отца же в ГРУ.

В здании штаба было тихо. Хоть и было еще раннее утро, но из-за закрытых дверей доносились звуки размеренного стука пишущих машинок и разговоры, что говорило о том, что в здании уже во всю кипит работа. Подойдя к кабинету Гордеева, я прислушалась. Услышав за дверьми разговор, я поняла, что Гордеев не один, а с Андреем. Усмехнувшись я побряхтела, дабы сделать голос более мягким и постучавшись без спроса открыла дверь.

– Можно к вам? – томно произнесла я бархатным голосом.

– Девушка, вам не было разрешено входить, выйдите, будьте так добры, – едва взглянув на меня проговорил Гордеев.

– Не могу, вы будете ругаться, если я опоздаю, – перейдя уже на свой голос проговорила я и легкой походкой впорхнула в кабинет и сделав оборот вокруг себя остановилась по центру комнаты, давая мужчинам хорошо рассмотреть меня. – Знакомьтесь, Хильза Миллер, – добавила я на чистом немецком и достав из сумочки сигарету мастерски подкурила ее красивой зажигалкой и пустив густой клубок дыма том-

но облизнула свои ярко-красные губы.

Мужчины посмотрели на меня с легким изумлением, затем переглянулись и Гордеев сказал:

– Вы, надеюсь, в таком виде не ходили по улицам?

– Нет, меня привез отец, – усмехнувшись проговорила я.

– Это хорошо. А то у нас люди сейчас обозленные, увидев такую фифу, камнями могут забить, – строго проговорил Андрей.

Я посмотрела на его серьезное лицо и опустила руки:

– Что, все так плохо?

– Нет, отчего же. Очень даже похоже, – проговорил он, подойдя ко мне.

– Тогда что не так?

– Вы читали донесение? – спросил он.

– Читала, – пожав плечами проговорила я.

– Что вы можете сказать об этой женщине, в которую нужно перевоплотиться?

Разведя руками я почти слово в слово пересказала текст донесения о Хильзе.

– Хорошо. И вы считаете ваш образ идентичным ее?

– Ну... да, – уже неуверенно проговорила я.

Мужчина вздохнул и усадив меня на стол спросил:

– Косметичка при вас?

– Да, – ответила я и вытряхнула ее содержимое подле себя.

Намочив платок в графине с водой Андрей осторожными

движениями стер с моего лица все краски. Затем начал наносить грим сам, периодически отстраняясь от меня и оценивая свою работу. Когда он закончил, то снял меня со стола и подвел к высокому зеркалу, стоящему в углу. На меня смотрела все та же новая Хильза в моем исполнении, но немного другая, более романтическая и загадочная.

– Видишь разницу? – спросил он тихо, вытаскивая локон из моей прически и бросая его небрежно на мое плечо. – Миллер не работница борделя. Она утонченная аристократка немецкого происхождения. Да, она красится ярко, но не кричаще. Поняла теперь? – проговорил он, повернув к себе и приподняв мое лицо за подбородок.

От такого его жеста я нахмурилась и отпрянула.

– Ну и как ты будешь играть любовницу Штольца в моем исполнении, если ты боишься даже того, что я беру тебя за подбородок? – едва сдерживая улыбку спросил мужчина и сел за стол.

– Привыкну, – неуверенно ответила я, с негодованием окинув взглядом мужчину.

– Привыкай. Если хочешь попытаться сойти за Хильзу. Иди еще раз прочитай донесение и подумай хорошо, осилишь ли ты такое ее вызывающее поведение. Испуганной ланью быть не получится, Ольга, – строго проговорил Андрей.

В этот момент в дверь постучались и на пороге появилась еще одна Хильза, образ которой сотворила Нина. Девушка подошла к столу, плавно покачивая бедрами, затем села на

колени Андрею и страстно поцеловала его в губы. Гордеев, наблюдая такую картину, только присвистнул. Я же от злости стиснула зубы.

– Это уже другое дело, – спокойно проговорил Чернов и посмотрев на меня добавил, – учись.

– Я пойду, можно? У меня карты сейчас у Туза, – спросила я у Гордеева, оставив реплику Андрея без ответа.

– Конечно, идите, Ольга, – кивнув ответил Гордеев, и я пулей выскочила из комнаты.

Немного отдышавшись и приведя нервы в порядок, я зашла в кабинет, где меня уже ждал Туз.

– Вот так вот, день ото дня краше! Уж не ко мне ли так хорохорилась, конфета? – улыбаясь спросил Туз.

– Не к тебе, – зло ответила я и села за стол.

– Злая. Случилось что? – нахмурив брови спросил мужчина.

– Это все без толку. Меня все равно не утвердят на это место, – расстроено проговорила я.

– Ну, раз так рано нос вешаешь, значит так оно и будет, – ответил мужчина.

– Да как не вешать? У Нинки это все в крови, ей и учиться ничему не надо. А мне столько всего нужно освоить, чтобы сойти за свой объект, – грустно проговорила я, теребя руками край скатерти.

– Это той змее что ли? Нинке? – презрительно спросил Туз.

– Да, ей, – устало ответила я и облокотилась локтями на стол, подперев при этом голову руками.

– Ты мне вкратце расскажи, что тебе нужно сделать, чтобы ты смогла обойти эту кобру. А я уже чем смогу, тем помогу, – улыбнувшись спросил мужчина, наклонившись ко мне и поддев мой подбородок пальцем руки, заставив меня посмотреть на него.

– Да я же не могу всего сказать, – ответила я.

– Мне всего и не надо. Только то, что можешь расскажи, – проговорил Туз, отпустив меня и беря свою колоду карт в руки.

Я вкратце рассказала мужчине то, в какой образ мне нужно перевоплотиться и то, как умело это проделала уже Нинка. Мужчина усмехнулся и сказал:

– То есть тебя нужно научить перевоплощаться в благородную распутную девицу?

– Нужно, – утвердительно ответила я.

Мужчина облокотился на стол локтями и сцепив руки в замок начал перебирать большими пальцами, обдумывая что-то. Затем он приподнял бровь и сказал:

– Есть у меня одна краля знакомая. Софьей зовут. Раньше с ней часто кувыркался по молодости. Занятная личность. Она уже отошла от дел, пригрела одного из наркома, так он ее уже какой год содержит. Живет недалеко от Тверского бульвара. Я тебе черкану адресок и письмецо, передашь ей. За ней должок имеется, вот она так и расплатится со мной.

Поднатаскает тебя, конфета.

– Но ведь она вам должна. Может вам лично когда-то ее помощь понадобится? – строго спросила я.

– А я ж не просто так помогаю тебе, конфета, – усмехнувшись сказал Туз, окинув меня взглядом.

– Так, а что же я вам буду должна взамен? – прищурив глаза спросила я.

Туз встал и подойдя к окну молчал пару минут, потом заговорил с едва различимыми нотами грусти в голосе:

– Была у меня любовь раньше, Галина Скворцова, тихая такая, воспитанная, красивая дюже баба. Цепануло меня тогда ох как. Глазищи у нее чернявые такие были, большие. Как глянет было на меня из-подо лба, все – на все был готов. Закрутило нас сильно тогда, она ребенка понесла от меня. Жениться хотел, да Саву, моего подельника бывшего, тогда взяли да в тюрягу упекли, ну а он всех наших и сдал, скот, – проговорил Туз и сплюнул с ненавистью на пол. – Меня посадили, и Галка отвернулась от меня. Переехала на другую квартиру, мальчонку родила, а потом исчезла. Долго я ее искал, да так и не нашел. Слух был, что померла она от чахотки, когда сыну исполнилось пять лет. Если то правда, пацаненка, поди, в детдом отдали. Искал я, да так и никакой зацепки пока не нашел. Помогите мне, найди моего парнишу, уж больно душа за него болит, – проговорил Туз, проглотив ком в горле. – Я тебе до гробовой доски благодарен буду.

Я удивленно смотрела на этого пропитанного кримина-

лом мужчину и в моей голове крутилась только одна мысль – я никогда бы не подумала, что у человека с самого дна общества могут быть такие чувства, простые человеческие чувства – привязанность, переживание, боль за близких. Мне такие люди всегда казались непошибаемыми, шагающими по головам всех, даже самых родных, а оно вон как оказалось.

– Ну что, поможешь? – спросил Туз таким тоном, который с головой выдавал то, что он очень сильно сомневался в том, что я отвечу согласием.

Я открыла свою сумку и достав оттуда блокнот и ручку положила их на стол, и пододвинула в сторону Туза.

– Пиши все, что знаешь о сыне и своей Галине Скворцовой. Все до мельчайших подробностей. Если мальчик где-то в детдоме в Москве, я его найду. Ну, а если нет, то по максимуму узнаю о его матери все, что смогу, – проговорила я.

На лице у Туза появилось выражение благодарности и хлопнув в ладоши он быстро сел за стол. Бегло нацарапав на листке бумаги адрес Софьи, к которой я должна была обратиться, и черкнув пару строк от себя, он вырвал листок из блокнота и протянул мне.

– Это тебе. Найдешь Софью, на словах передашь, что должок закрыт будет, если она тебе поможет, – сказал со счастливым видом Туз и принялся писать информацию о своей женщине и сыне. – А это все про моих, – проговорил он и протянул мне свои записи.

Я взяла в руки блокнот и быстро пробежалась глазами по ровным строчкам текста, отметив для себя, что Туз хоть и вращался в криминальных кругах, но писал он очень и очень грамотно, что для такого рода людей в наше время было более чем необычно.

– Туз, а ты откуда-то сам? – прищутив глаза спросила я мужчину.

– Я из репрессированных. Обречен по рождению так сказать, – грустно проговорил мужчина. – Мой отец занимал высокую должность ранее при царе, затем был выслан и расстрелян. Нас с матерью не тронули каким-то чудом тогда, но жизнь испортили. Мать не прожила долго после расстрела отца и померла. Меня забрала тетка. Потом и она померла. Я оказался на улице и попал в банду Косого. С того самого времени и веду такой образ жизни, – закончил рассказ Туз.

Я с грустью кивнула головой и подумав спросила:

– Ты в Польше был? Знаю банда Косого гастролировала в свое время и там невесть каких дел натворила.

– Был и в Польше. В Кракове, Варшаве, да и Познань не минула нашего внимания, – скривив губы в усмешке проговорил мужчина.

– А язык ты знаешь?

– Знаю. Польский, немецкий, французский, – ответил мужчина, проговорив несколько фраз с довольно-таки хорошим произношением на каждом из языков. – Батя с матерью много сил в меня вкладывали. Я у них единственный

сын был, наследник. Учили меня с самых пеленок. Сколько и помню себя, вечно что-то учил со своей гувернанткой. Как сейчас помню ее тощую, сухую фигуру, неизменные очки на носу и волосы, стянутые в тугий пучок на затылке. И ее коронную фразу: «Игорь Михайлович, будьте так добры, не шалите, а то выпорю и заставлю учить на два абзаца более, чем положено». Так и жил – учеба, строгость и контроль. А потом, – махнув рукой закончил рассказ Туз, давая понять, что все пошло под откос.

– И братки у тебя остались знакомые в Польше? Такие, чтоб надежные, есть? – не переставала спрашивать я Туза.

– Остались и надежные. А тебе это зачем, конфета? – прищурив глаза спросил мужчина, беря в рот спичку.

– Да так, интересно. Да и смотрю на тебя, и твоя внешность совсем не вяжется у меня с твоим поведением, – ответила я и положив в сумку блокнот и записку вытащила карты и положила на стол. – Ладно, а теперь давай покажу, как я дома отточила то, чему вчера у тебя научилась, а затем далее продолжим мое обучение.

Туз кивнул и начал смотреть на мои выкрутасы с картами, одобрительно кивая головой.

Выйдя от Туза, я сразу направилась к Гордееву, поскольку урока пения у меня сегодня не было. Постучавшись и зайдя в кабинет, я увидела, что мужчина одет в спец костюм для прыжков с парашютом.

– Переоденься, сейчас поедem прыгать, – сказал он, кивком головы указывая на аккуратно сложенную на столе одежду.

– Прыгать? – с испугом спросила я.

– Прыгать, Соколова, прыгать, – ответил мужчина, застегивая пряжки.

– Хорошо, – положив на стол сумку я развернула пахнущую льном одежду и, когда мужчина вышел из комнаты, быстро натянула ее на себя и вышла из кабинета.

На улице уже стояли и ждали меня Гордеев, Нина и Андрей. Посмотрев на то, как Нинка улыбается Андрею во все тридцать два, кокетливо накручивая волосы себе на палец, я поморщилась. Подойдя к ним, я сказала, обращаясь к Нине:

– Глебова, манеры Хильзы оттачиваешь?

– Да, я вживаюсь в образ любовницы Штольца. А тебе что, завидно? – слащаво улыбаясь проговорила Нинка и взяла под руку Чернова, которому, на первый взгляд, все происходящее было безразлично.

– Нет, чему тут завидовать? – пожав плечами проговорила я.

– У меня еще будет одно требование. Мое личное, – прищурив глаза и окинув нас взглядом проговорил Андрей. – Кадры из фильма вашей личной неприязни мои глаза более чтоб не видели, вам ясно?

– Ясно, – обидевшись ответили мы с Нинкой и прошествовали в автомобиль, который отвез нас четверых на аэро-

дром, где нас ждал наш крылатый друг, который через четверть часа уже поднимал нас высоко в небо.

Сидя в самолете я поняла, что совершенно не готова к такому развитию ситуации. Нацепив на себя парашют, я начала застегивать пряжки, но мои пальцы от все более окутывающего меня ужаса совершенно не хотели меня слушаться, и я бессильно опустила руки. Подняв глаза на остальных, я увидела, что Нинка уже со всем справилась и смотрела на меня с такой ядовитой насмешкой, которая даже в самом бесстрашном парашютисте могла посеять зерна неуверенности. Затем она что-то тихо прошептала на ухо Андрею и тот только покачал головой. Спас ситуацию Гордеев. Он подошел ко мне, взял мои руки в свои крепкие ладони и спросил тихо:

– Боишься?

– Боюсь, – ответила я и на мои глаза навернулись слезы.

– Я тоже боюсь. Каждый раз, когда прыгаю – я боюсь, – просто ответил он, помогая мне застегнуть ремешки.

– Да ладно вам, вы, наверное, ничего не боитесь, – шмыгая носом ответила я, недоверчиво глядя на мужчину.

– Отчего же, боюсь. Страх-это нормальное состояние. Его стесняться нечего, – по-отечески потрепав меня по плечу проговорил Гордеев так же, как и когда-то мой отец.

Посмотрев на мужчину, я не удержалась и легонько чмокнула его в щеку в благодарность за такую мне необходимую в эту минуту поддержку, чем вызвала у него добрый смех.

– Видишь, Андрей, а ты говоришь, что она в обморок упа-

дет, если ей придется мужчину поцеловать. Подход к девушке нужен правильный, товарищ майор, – проговорил Гордеев, садясь на свое место.

Я после этой фразы нахмурилась и посмотрела в сторону невозмутимо взирающего на меня Андрея и поморщилась, поняв, что раз он обсуждает такие вещи с Гордеевым, то уж точно сомневается в том, что я смогу сыграть любвеобильную немку. Прищуриив глаза, я покачала головой, наматывая на ус все происходящее, и когда прозвучал сигнал первой подошла к открывшемуся люку самолета. Стоя над простирающейся передо мной бездонной пропастью, я невольно зажмурила глаза. Мои ноги начало трясти от ужаса и я, проглотив комок в горле оглянулась, беспомощно посмотрев на того, кто стоял позади меня. Ним оказался Андрей. Мужчина посмотрел на меня своими серыми глазами и успокаивающе улыбнувшись, сказал:

– Прыгай, Ольга. Нет ничего такого, чего не смогла бы осилить та девчонка, которую я помню. Ты не изменилась. Поэтому прыгай.

Я кивнула и повернувшись сделала шаг навстречу самому ужасному за всю мою жизнь страху – страху высоты. Порыв ветра подхватил меня, и я начала стремительно лететь вниз. Дернув кольцо парашюта, я была подкинута вверх и уже через мгновение парила над зеленеющими просторами своей Родины. Такого ощущения свободы у меня не было еще никогда. Это был не просто прыжок для меня, это был

огромный шаг на пути к гармонии в себе. Ведь каждый раз, когда мы делаем что-то, преодолевая над своими страхами, мы становимся сильнее. Так было и в этот раз. Помня то, насколько страх высоты всегда мучил меня, я осознала сейчас, чувствуя глубоко в груди укореняющееся ощущение удовлетворения от победы над тем промозглым чувством, что я становлюсь сильнее, становлюсь терпимее, становлюсь ближе к тому ощущению штиля в душе, о котором говорил мне Туз. Когда парашют опустился, я встала на ноги и отцепила его, затем подняла глаза к небу и закричала от радости, настолько чувство, переполняющее меня в тот момент, было прекрасным. Через пару минут все остальные тоже опустились на землю, и я радостно побежала к ним. Нинка невозмутимо стояла подле Андрея сгребая свой парашют в кучу, я же с диким визгом подлетела к ним и всех по очереди обняла и расцеловала.

– Это так классно! Это просто что-то невероятное! Это чудо! – восторженно говорила я, глядя на мужчин, которые едва сдерживали улыбку при виде моей неподдельной радости.

– Ну да. Особенно, когда ты будешь лететь, а немчура будет обстреливать тебя, такую беспомощно висящую на парашюте. Вот будет клаааасно, – протянула недовольно Нинка, которая как всегда не могла терпеть мои эмоциональные выходки.

– Да ну тебя. Если есть повод и время для этого – надо

радоваться, Нинка, – проговорила я. – Потому что, потом такой момент может уже и не подвернется никогда, – грустно закончила я фразу и нахмурившись стала так же складывать свой парашют.

Андрей подошел ко мне и протянул руку для пожатия. Я неуверенно дала ему свою ладонь, и он проговорил:

– Вот теперь я узнаю ту взбалмошную девчонку-студентку, которой ты была всего несколько лет назад, Соколова. Молодец, девочка. Глядишь, и выйдет что из тебя, – сказал он и усмехнулся.

Я пожала его руку и уже с улыбкой закинув на себя парашют, потащила его к ожидавшей нас машине. По дороге в штаб все молчали, погруженные каждый в свои мысли. Вернувшись в здание, мы переоделись и разошлись каждый по своим делам.

Выйдя из штаба, я развернула записку, которую мне дал Туз и направилась по тому адресу, где жила Софья. Найдя нужный мне дом, который выделялся на фоне остальных своим отделанным лепниной фасадом, я поднялась на пятый этаж и постучала в дубовую дверь, которая спустя мгновение отворилась. На пороге я увидела небывалой красоты женщину лет сорока пяти, одетую в элегантный длинный шелковый халат бежевого цвета. Женщина удивленно окинула меня взглядом и проговорила:

– Здравствуйте, вы по какому вопросу?

– Здравствуйте. Меня зовут Оля. Я от Туза, – проговорила

я и протянула женщине записку.

Женщина бегло пробежала по ней глазами и уже с интересом перевела на меня взгляд.

– Он сказал, что если вы поможете мне, то долг будет закрыт, – тихонько прошептала я и добавила, – помогите, пожалуйста.

Женщина молча улыбнулась и отошла в сторону, давая понять, что я могу войти. Пройдя внутрь квартиры, я огляделась и ахнула, настолько красивым было помещение, в котором жила эта красавица. Женщина заметила мою реакцию и снисходительно махнув рукой сказала:

– Это все мишура, не обращайте внимание.

– Да уж, мишура, – проговорила я, все так же восхищенно рассматривая окружающую обстановку пока мы шли на кухню.

Зайдя в небольшую комнату с красивой кухонной мебелью, женщина указала мне на стоящий у стола диван, и я села. Сама же она облокотилась о стену и закурив сигарету внимательно на меня посмотрела.

– И чем я могу помочь такой воспитанной девушке, как вы? – проговорила она, давая понять, что мы из разных кругов и мне не стоит ничему у нее учиться.

– Понимаете, я разведчица. То есть еще не разведчица. Но могу ею стать, если за две недели научусь всему, чтобы сойти за одну даму, немку весьма определенного круга и специфического поведения, – проговорила я и дословно передала

описание Хильзы Миллер Софье. – У меня так не получается себя вести. А вот у моей напарницы—это просто в крови все. Она такая красивая, грациозная, смелая в делах с мужчинами. Если я не научусь быть такой же, то мою кандидатуру отвергнут и поедет она. А мне просто необходимо это назначение. Жизненно необходимо.

– Жизненно необходимо...не видела я еще человека, который бы так рвался навстречу своей смерти, – проговорила женщина, выпуская густой клубок дыма. – Тебе что, не сидится в Москве под теплым боком своего мужа? – спросила она, указывая на мое обручальное кольцо.

Я перевела взгляд на свою ладонь и потеряв кольцо, которое так и не сняла до сих пор после известия о Димкиной смерти ответила тихо:

– Это прошлое.

– Разошлись что ли? Иль погиб? – спросила Софья, все так же изучающе смотря на меня.

– Он разведчиком был. Его самого и всю группу поймали и расстреляли, – проглотив комок в горле ответила я.

– Так ты потому так рвешься на фронт, что умереть хочешь? – приподняв бровь спросила женщина.

– Нет. Мое задание напрямую связано с тем, кто виновен в смерти моего мужа. Меня туда направят, понимаете? Если я смогу туда попасть, я смогу отомстить и спать спокойно. Если не погибну, конечно, – ответила я.

– Ясно, – проговорила женщина, гася сигарету о хрусталь-

ную пепельницу. – Хорошо. Помогу. Уважаю в женщинах такую самоотверженность. Сама когда-то такой была. И Тузу передашь тогда, что должок закрыт. А то он на мне как камень висел все эти годы. Все думала, чем же мне расплачиваться придется с ним. А такой вид расплаты мне уж очень по душе, – нараспев проговорила женщина и подойдя ко мне подала руки, заставив меня встать на ноги.

Я встала, и Софья обошла кругом меня, затем подняла подбородок, развернула мои плечи назад и шлепнула ниже поясницы.

– Нда, – констатировала она только ей одной ведомый факт и вытащила шпильки из моих волос, заставив их рассыпаться по плечам. – А теперь пройдишь, – сказала она отойдя в сторону и я прошла из кухни в коридор и обратно под пристальным взглядом моей новообретенной наставницы.

– Ну что? – спросила нетерпеливо я, совсем не понимая, что во мне могла видеть Софья, разглядывая мою походку.

– Ну что-что?! Запущенный вариант. Эдакая девчушка в длинной юбке без капли раскрепощенной. Ты точно замужем была? – с насмешкой спросила меня Софья.

– Точно, – обидевшись ответила я.

– Поверю на слово, – скривившись ответила Софья и добавила, – понимаешь, детка, тебе надо сыграть тигрицу, а ты – мышшь, ну на худой конец... даже нет, ты – мышшь и не более того.

– Да ладно вам, я всегда нравилась мальчишкам, – так же

обиженно ответила я.

– Вот именно. Мальчишкам. А эта особа, – сказала она, беря в руки фотографию Хильзы и показывая ее мне, тыча при этом пальцем в образ немки, – эта особа нравится не мальчишкам. Она нравится матерым волкам. Мужчинам такого уровня, которых ты и в жизни то не встречала, поскольку сидела под папкиным крылом, который и близко бы тебя к ним не подпустил. Тебе нужно ее сыграть, эту волчицу, и без капли оттенка того, которой ты являешься сейчас.

– Ну так научите, как стать волчицей, – строго проговорила я.

– Научите, – хмыкнула Софья и небрежно кинула фотографию на стол, затем выражение ее глаз сменилось на искрящееся и игривое и она, прикусив свою пухлую нижнюю губку алого цвета кокетливо произнесла, – научу. Только не обижаться, не ныть, не стесняться и выпитывать все как губке, поняла меня?

– Поняла, – серьезно произнесла я.

– Да и, кроме того, то, чему я тебя научу поможет тебе в будущем и себе найти не мальчишку, а матерого волка, – с улыбкой проговорила женщина, взяв меня за руку и стягивая обручальное кольцо с пальца и кладя его на стол, кивая при этом в сторону него своей хорошенькой головкой. – А это – прошлое. Самое прекрасное, самое волнующее и дорогое. Но это – прошлое. Такого, что было у тебя с твоим первым мужчиной, более у тебя не будет ни с кем. Это

нужно принять и понять. И отпустить. Но будет еще что-то, что будет иметь свое очарование и красоту. Будет мужчина, девонька, вот увидишь, будет такой, который тоже заставит биться твое молодое сердечко так же сильно, как оно билось при встрече с тем единственным, за которого ты когда-то замуж выходила.

Софья произнесла эти слова с такой уверенностью и добротой, что я почему-то вздохнула с облегчением, глядя на одиноко лежащее на столе маленькое колечко золотого цвета. Эта красивая молодая женщина в ту минуту вселила в меня веру в то, что жизнь у меня не закончена. Выполнить бы мой долг перед Димкой и жить дальше... если судьбе будет так угодно. Я подняла свои красные от надвигающихся слез глаза на эту великолепную женщину и обняла ее, сказав тихое «спасибо». Софья потрепала меня по щеке и проговорила:

– Первое правило – никаких эмоций. Такие женщины, как эта немка, и эмоции показывают только тогда, когда им это выгодно. Поэтому. Плачешь только тогда, когда понимаешь, что это повлияет на мужчину в хорошем смысле этого слова. Некоторых мужчин просто выводят из себя слезы, поэтому плакать при них запрещено категорически, там другие приемы работают. Но об этом позже. А сейчас пойдем в гардеробную, оденем тебя и будем учить.

Пройдя через всю огромную квартиру, мы зашли в довольно-таки внушительную комнату, всю завешенную наря-

дами. Посреди нее стоял стол, накрытый красивой бархатной скатертью, в дальнем углу красовался белый туалетный столик с зеркалом, а возле одной стены стояло огромное зеркало, к которому и подвела меня Софья.

– Чтобы вести себя так, как та женщина, нужно любить себя, свое тело, свое отражение в зеркале. Зеркало – твой самый лучший друг, потому, что оно помогает тебе видеть себя в любом свете, – проговорила Софья, расстегивая на мне платье и стягивая его на пол, благодаря чему я осталась стоять перед своим отражением в одном только белье.

Подтянув бретельки на бюстгальтере, она помогла мне красиво уложить свою грудь, которая тут же приняла пленительные очертания, вызвав у меня улыбку.

– Ты молодая и очень красивая девушка, Оля. Нужно только научить сиять эту красоту в нужном свете, а для этого ее необходимо обернуть в нужную обертку, – проговорила Софья и достав одно из платьев из стоящего рядом шкафа помогла его надеть.

Когда на платье была застегнута последняя пуговица я обернулась к зеркалу и ахнула. Я выглядела совсем иначе благодаря этой не такой уже и откровенной, но так мастерски подобранной под меня одежде. Мягкий голубой цвет ткани оттенял мои серые глаза, туго затянутый широкий пояс, завязанный в затейливый бант, придавал моей талии изящный вид, слегка увеличенный вырез сзади открывал соблазнительно мою спину, а красивое декольте умело поддержи-

вало пленительные очертания моей груди. Такое ощущение, что платье было шито прямо под меня, настолько идеально оно село на мою фигуру.

– Ну? Понимаешь теперь, о чем я? – спросила женщина, видя мой изумленный взгляд.

– Да, – ответила я с улыбкой и покрутилась вокруг себя.

– Теперь походка, – строго продолжила Софья, пройдясь по комнате из одного конца в другой. – Бедро – твой главный козырь. Когда идешь, то делай едва уловимые, плавные, покачивающие движения, дабы у мужчин, которые на все сто всегда провожают женщин взглядом, разгорался интерес к твоему телу, которое при такой походке соблазнительно окутывает ткань платья.

Софья говорила и говорила, заставляя меня то и дело повторять за ней разнообразные жесты и движения, которые должна была, по ее мнению, уметь делать каждая женщина. Она учила меня красиво садиться за стол, элегантно и в то же время соблазнительно держать бокал, отпивая глоток и смотря на мужчину поверх него, завлекая его взглядом, кокетливо стрелять глазками и томно взирать, дабы увлечь, как она любила выражаться, матерого волка. Затем мы отточили описанные в донесении жесты и привычки Хильзы, присущие только ей, этой загадочной женщине, образ которой мне предстояло носить на себе в случае одобрения моей кандидатуры. Позже мы перешли на макияж и прически, благодаря чему я самостоятельно смогла нарисовать на своем лице

то, что утром изобразил на мне Андрей. Мы так увлеклись, что совсем потеряли счет времени и когда вышли из гардеробной, то увидели, что на улице стояла уже непроглядная темень.

– Так поздно уже! – проговорила я с сожалением.

– Оставайся сегодня у меня. А завтра поедешь отсюда на работу. Позвони отцу и предупреди его, – предложила Софья.

– А я вам не помешаю?

– Нет, моего сегодня не будет. У них заседание допоздна, поэтому я сказала, чтобы ночевал у себя, дабы не беспокоить меня в столь поздний час, – улыбнувшись ответила Софья и повела меня на кухню, где начала готовить незатейливый ужин пока я разговаривала с отцом по телефону.

Усевшись за стол и с наслаждением отпивая из чашки кофе, я спросила:

– А как целовать мужчину, если у тебя с ним ничего нет? Как сыграть страсть и влюбленность? Этому же нельзя научиться, наверное?

– Почему? – пожав плечами проговорила Софья. – Тот мужчина, с которым ты будешь играть эту роль, он тебе не противен? У тебя есть к нему симпатия хоть какая-то? – спросила она, закуривая сигарету.

– Я даже не знаю, никогда об этом не задумывалась, – ответила я и впервые за все это время и сама задала себе вопрос насчет Андрея. – Он красивый молодой мужчина. И он

ни капельки мне не противен. И можно сказать что да, он мне очень симпатичен.

– Ну и в чем тогда дело? Просто наслаждайся его обществом в такие минуты и все. Наслаждаться обществом мужчины – это прекрасно. А у вас еще, конечно опасное, но такое романтическое задание. Как в кино прямо. Так что не вижу ни одной причины, по которой мне бы нужно было тебе здесь давать указания. Нужно целовать, обнимать или еще что? Просто делай и все, – ответила женщина с улыбкой глядя на мое недоумение, написанное на лице.

– У напарницы это так хорошо выходит, прямо как по-настоящему, – проговорила я, откидываясь на спинку стула и рассказывая Софье как Нинка лихо крутится подле нашего бывшего преподавателя.

– Так может у нее это и есть по-настоящему, раз она не отлипает от него. Ты не думала об это? Может он ей нравится просто? – спросила Софья засмеявшись.

– Может и так, – задумчиво проговорила я, удивленная тем, что совсем не рассматривала такой вариант.

– Ох, девчонка ты еще, Оля, – все так же смеясь прощепетала Софья.

– А как вы с Тузом познакомились? – решив перевести нашу беседу в другое русло спросила я. – Нет, если не хотите, можете не отвечать, – добавила я, увидев на лице женщины образовавшуюся напряженную складку меж бровей.

– Отчего же. Отвечу. Рассказ, правда, не для воспитанных

барышень, – с насмешкой окинув меня взглядом сказала она и продолжила, – Я раньше была девушкой не очень нравственного поведения, мягко говоря. В двадцать лет я как-то ужинала в ресторане и познакомилась с Косым. Ты я думаю в курсе, кто это такой. Ну и деньги, внимание, наряды сделали свое дело. Я стала его любовницей. Но Косой был человеком, который любил поколачивать периодически своих женщин и мне часто перепало от него. Со временем мне все это надоело, и я решила уйти от него. Но не тут-то было. Косой упорно не хотел меня отпускать и как-то раз закрыл на одной квартире, приставив ко мне в охрану Туза, дабы я не смогла сбежать. Сам же каждый вечер захаживал ко мне и издевался, заставляя насильно ложиться с ним в постель, избивал, таскал за волосы, в общем делал все, дабы я запомнила его на всю жизнь на прощание. Как-то утром, когда Косой ушел, я сидела на кухне зареванная и услышала, как дверь в квартиру отворилась и ко мне на кухню вошел Туз. Он тогда положил передо мной на стол довольно-таки внушительную сумму денег и адрес одной квартиры. Затем сказал мне уходить и оставаться на той квартире до тех пор, пока он не уладит все с Косым. Я быстро собралась и убежала. Вечером в мое новое жилище приехал Туз с кучей продуктов и нужных мне мелочей и приказал ни под каким предлогом не покидать квартиру, поскольку взбесившийся Косой начал искать меня по всему городу. Туз тогда все так обставил, будто бы я сама расшатала решетку на окне и смогла улизнуть та-

ким образом. Так я и жила на квартире, пока все не улеглось и Косой не нашел себе другую пассию, благополучно забыв про мое существование. Туз каждый вечер приезжал ко мне и вскоре мы стали любовниками. Он был таким со мной... Я даже не знаю, как сказать. Он не был тем криминальным отбросом, которого я видела ранее, пока была рядом с Косым. Это был совсем другой человек. Умный, начитанный, рассудительный, спокойный. Я всегда любовалась ним и думала, какая бы судьба его ждала, не случись тогда революции. Он же был человеком из высшего света, а оказался на самом дне. Затем я смогла со временем выйти из своего укрытия. Туз на тот момент влюбился в другую женщину, и я очень тяжело перенесла наше расставание. Пошла работать помощницей в подпольный бордель, где познакомилась... в общем не буду трогать эту тему. И оказалась здесь, – с улыбкой окинув свои апартаменты закончила рассказ женщина.

– Дааааа, – протянула я, с восхищением смотря на Софью. – Прямо как в сказке про Золушку.

– Да уж, про Золушку, – хмыкнула в ответ женщина. – Про Золушку из борделя. Ладно, пойдем спать, – добавила Софья и мы пошли каждая в свою кровать.

На следующее утро я проспала, не услышав будильник. Вскочив, я с ужасом увидела сколько время и начала поспешно натягивать на себя платье. Софья тоже только-только проснулась, и заспанная вышла из своей комнаты.

– Ты куда прям так срочно летишь? – зевая спросила

она. – Позавтракай хотя бы.

– Да какое там позавтракай! Мне сейчас позавтракать только осталось и благополучно вылететь из штаба. Андрей прощать мне опоздания не будет, я знаю, – проговорила я, наспех умываясь и причесывая волосы.

– Андрей это тот, с которым играть нужно будет? – спросила с интересом Софья.

– Да, он такой строгий! Совсем не изменился с того времени, когда заставлял меня зубрить немецкий, – приподняв брови и покачав головой проговорила я.

– Вспоминай, что я вчера тебе говорила насчет мужчин и применяй на практике, – разведя руками с улыбкой произнесла Софья, открывая мне входную дверь. – Привет Тузу передавай. И сама как будет надобность забегай ко мне, может еще какие вопросы возникнут, – потрепав меня по плечу сказала женщина и я, утвердительно кивнув ей, помчалась в штаб. Через пол часа я, запыхавшаяся, влетела в здание штаба и быстро постучавшись зашла в кабинет Гордеева. Нинка сидела на стуле, закинув нога на ногу и снисходительно глядя на меня сказала:

– Соколова, ну ты совсем не изменилась. А сейчас время-то военное, строгое. Нельзя опаздывать.

Я закрыла глаза и вздохнула, дабы не взорваться. Затем посмотрела на мужчин и проговорила, едва переводя дух:

– Извините меня, пожалуйста. Больше такое не повторится.

– Я очень на это надеюсь, – строго ответил Андрей.

– Можно мне поговорить с вами наедине? – спросила я у мужчин, давая понять, что персона Нинки нежелательна сейчас в кабинете.

Гордеев молча кивнул Нине на двери и та, хмыкнув, оставила нас одних.

– Можно мне отсутствовать пару дней? – неуверенно проговорила я, поглядев на Андрея, который услышав такую фразу с усмешкой поглядел на меня.

– Да хоть десять, – ответил он.

– Мне правда надо. Очень, – извиняющимся тоном проговорила я.

– Я не сомневаюсь, – в таком же духе ответил мужчина.

– Да брось ты, майор, – оборвал его Гордеев строго. – Оля, если тебе нужно, то я тебе разрешаю не приходить два дня, но не более того. Но ты должна довести за эти дни вокал до ума, особенно те две песни, которые тебе написала Мария Федоровна. Договорились? – мягко проговорил Гордеев, и я облегченно вздохнула.

– Спасибо вам огромное! Я все сделаю на отлично, – счастливо улыбнувшись я подлетела к Гордееву и поцеловав его опять в щеку, показала язык Андрею как раньше в университете, чем вызвала его усмешку, пулей вылетела на улицу и отправилась в управление к отцу.

Зайдя в кабинет отца, я плюхнулась устало на стул перед ним и бросила сумку на пол.

– Папа, ты не представляешь себе! Я с такой женщиной познакомилась! – вспоминая вчерашний день проговорила я.

– Это с той, у которой ты ночевала? – с сарказмом проговорил отец.

– Да. Папочка, она такая красивая, я таких женщин никогда не видела. Она меня столькому научила, ты не представляешь себе... потрясающая особа! – в восторге проговорила я.

– Это ради этого ты из штаба отпросилась? – строго спросил отец.

– Нет, не ради этого, – уняв свои эмоции ответила я. – Мне помощь твоя нужна.

– В чем?

– Мне нужно мальчика одного найти. Он, скорее всего в детдоме каком-то. Его мать умерла лет пять назад. И о ней бы узнать хоть что-то. Где похоронена хоть, – проговорила я, вытаскивая из сумочки блокнот с записями и кладя перед отцом.

Отец бегло пробежал глазами по записям и спросил:

– Тебе зачем это надо?

– Это не мне. Это человеку одному надо. Он мне помог, теперь я хочу хоть что-то для него сделать.

– Какому человеку?

– Осужденному одному. Его Тузом зовут. Он нас с Нинкой в штабе в карты играть учит. Немка же виртуозная кар-

тежница оказалась, вот нужно, чтобы и мы умели играть мастерски. Ну так что, поможешь? – заглядывая хитро в глаза отца спросила я.

– Осужденный... карты... немка. Оля, тебе не кажется, что не нужно бы тебе во все это лезть? Может хватит уже? Поигралась и хватит, – строго проговорил отец.

– Я не играюсь, папа. Для меня это очень важно. Я только оживать начала в надежде, что все у меня получится. Ты понимаешь, папа? Я оживать начала! – тихо прошептала я отцу.

Отец долго сидел и молча смотрел на меня. По его лицу было видно, что он радовался тому, что я действительно крылья начала расправлять после того, что со мной произошло. Но, в то же время он прекрасно понимал, что то, к чему я стремилась так отчаянно, могло в два счета лишить меня всего, и жизни, и крыльев. Посмотрев еще раз на записи, он взял телефон и попросил секретаршу вызвать какого-то человека. Через пять минут в кабинет постучали и на пороге появился молодой парень примерно моего возраста с рыжими волосами и румяным, улыбочивым лицом.

– Женя, знакомься, это моя дочь, Ольга.

– Очень приятно, – проговорил парень, улыбнувшись искренней улыбкой.

– Евгений, вот здесь записи, нужно найти мальчика одного и узнать о женщине, – проговорил отец, протягивая блокнот парню. – Возьмешь машину и вместе с Олей пообедаете

все детские дома Москвы. Авось мальчишка где-то здесь находится. Если нет, то завтра поедешь к Михаилу Георгиевичу в управление, к тому, к которому мы ездили на прошлой неделе, и попросишь его поднапрячься, чтобы найти информацию.

– Будет выполнено, товарищ полковник, – проговорил парень и мы с ним направились на улицу, где сели в автомобиль и поехали в один из ближайших детских домов.

Подъехав к невысокому зданию, я вышла из машины и оставив моего сопровождающего на улице пошла внутрь. Найдя кабинет заведующей, я показала ей записи, которые сделал Туз, но она с сожалением покачала головой, и мы с Женей отправились дальше. Тот же самый результат ждал нас и в других детских домах. Никто не знал никакой Галины Скворцовой и мальчика с такой фамилией нигде не было. Я откровенно запереживала, поскольку понимала, что после эвакуации, затем после возвращения детских домов в Москву мы могли и не найти там мальчика. И быть он мог невесть где, если остался в живых в это темное время. Уже отчаявшись мы заехали в самый последний дом на окраине Москвы и пройдя без энтузиазма по гулким помещениям здания, в коридорах которого отовсюду слышались звонкие детские голоса я остановилась перед дверью заведующей и постучала.

– Проходите, – услышала за дверью я строгий голос и неуверенно вошла в комнату.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, робко переминаясь с ноги на ногу, поскольку у меня с самого детства в душе присутствовал страх перед казавшимся мне таким грозным званием «Заведующая детского сада». В детском саду воспитательница вечно пугала нас, грозясь позвать в группу эту страшную женщину, в те минуты, когда наше поведение выходило из-под ее контроля.

– Проходите, присаживайтесь, – проговорила женщина, указывая мне на стоящий около стола стул. – Вы по какому вопросу к нам?

– Мне бы мальчика найти надо, – ответила я, уже в который раз за сегодня протягивая свой блокнот.

Женщина пробежала глазами по записям и отдала блокнот мне.

– А вы кем приходитесь этому мальчику? – спросила она.

– Я – никем, – ответила я. – Но его ищет отец уже несколько лет. Но, пока безрезультатно.

– А отцу вы кем приходитесь? – прищурив глаза спросила женщина.

– Тоже никем. Он мне помог очень. Я решила отплатить ему тем же, – пожав плечами ответила я. – Ну так как? Нет у вас мальчика?

– Как вас зовут? – задала встречный вопрос женщина.

– Ольга, – ответила я.

– Ольга. Я могу с вами говорить открыто? – спросила женщина.

– Конечно.

– Мальчик здесь, в этом детдоме. Мишкой его зовут. Десять лет исполнилось ему неделю назад. Но вот только я бы попросила вас не говорить о нем отцу, – проговорила женщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.